

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТИНИК

6+

5/2017

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

5/2017

Учредители
журнала:
ОАО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор
Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова
В.З. Денискина
Г.С. Еремеев
И.Н. Зарубина
О.В. Клековкина
Ю.И. Котов
В.В. Кулешов
И.И. Семёнова
Г.А. Смирнов
А.В. Тимофеев
А.П. Торопцев
О.В. Шевкун

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Бруштейн. Реабилитация и компьютер	1
--	---

ЮБИЛЕИ	
Марина Платонова. Юбилей любимой библиотеки	13

ПРОБА ПЕРА	
Лидия Бирюкова. Стихотворение	22
Артём Медников. Стихотворение	23
Илья Кравцов. Путешествие полковника	23

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
Глеб Еремеев. Стихи	26
Владимир Лифшиц. Стихи	30

Сергей Георгиев. Рассказы	40
---------------------------	----

АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
Татьяна Корниенко. Стихи	62
Ирина Антонова. Знаменитый артист	65

Александр Панков. По следам Василия Ерошенко	77
---	----

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ	
Лариса Шевцова. Урок № 16	90

РЕАБИЛИТАЦИЯ И КОМПЬЮТЕР

«Институт „Реакомп” — реабилитация и компьютер — называют мозговым штабом Всероссийского общества слепых. — С этих слов началась наша беседа с создателем и бессменным, с 2001 года, генеральным директором Института „Реакомп” Сергеем Николаевичем Ваньшиным. — Наша организация решает три основные задачи. Во-первых, мы способствуем формированию доступной среды, в частности, в сфере культуры. Во-вторых, мы стремимся помочь инвалидам научиться жить и работать в существующих обстоятельствах. Мы расширяем жизненные горизонты слепых и слабовидящих людей, давая им компьютерные знания. В-третьих, мы осуществляем подготовку и повышение квалификации кадров для ВОС, участвуем в формировании кадрового резерва. А значит, Общество слепых сможет работать эффективно не только сегодня, но и завтра».

Сергей Николаевич Ваньшин — один из самых известных в России экспертов по созданию доступной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья. Хотя сам он выражение «ограниченные возможности» не любит. Короткое слово «инвалид» он считает более чётким и ёмким. Ваньшин предпочитает говорить не о доступной среде, а об универсальном дизайне, т.е. об организации общественного пространства, отвечающего ожиданиям и потребностям всех людей.

Будучи руководителем учреждения Всероссийского общества слепых, Сергей Николаевич, разумеется, в первую очередь занимается проблемами и заботами

незрячих и слабовидящих. Но его научные работы, методические разработки, публицистические выступления часто касаются и других категорий инвалидности.

В «Реакомп» нередко обращаются представители СМИ, желающие получить ответы на самые разные вопросы: о развитии тифлокомментирования в России, об озвученных светофорах и рельефных указателях на тротуарах, об организации музейного пространства или о новых компьютерных технологиях. Трудно представить себе журналистский вопрос, на который у него не было бы вдумчивого, компетентного ответа.

Но Сергей Николаевич может быть не только доброжелательным собеседником, но и ярким, острым на язык полемистом. Он не лезет за словом в карман, если сталкивается с профанацией усилий по созданию доступной среды. Например, один из московских музеев на широко разрекламированной выставке использовал этикетки с подписями по Брайлю, которые невозможно было прочесть из-за грубых ошибок. Или вышел в прокат новый фильм с тифлокомментариями, низкое качество которых отвращает незрячим зрителем радость от киносеанса. Сергей Николаевич всегда реагирует на подобные случаи.

В беседе с корреспондентом «Школьного вестника» Сергей Николаевич рассказал о себе и о деятельности института «Реакомп», о его достижениях и задачах.

— *Сергей Николаевич, расскажите о важнейших событиях вашей жизни.*

— Я родился в январе 1955 года в Венгрии, в Будапеште. В то время там служил мой отец. Он был лётчиком. А мама работала учительницей в вечерней школе для военнослужащих.

— Когда у вас обнаружили проблемы со зрением?

— Это случилось в возрасте пяти с половиной лет. Тогда мы жили в посёлке Грязи в Липецкой области. Родители обратили внимание, что я не могу рисовать, потому что не вижу линий, близко подношу игрушки к глазам, чтобы их рассмотреть. Меня возили к офтальмологическим светилам в Москву, Одессу, Харьков. Вероятно, проблемы со зрением были следствием осложнения после гриппа или кори.

Стало понятно, что в обычной школе мне будет трудно учиться. Поэтому в первый класс меня направили в специализированную школу для слабовидящих в посёлке Гольма Донецкой области. Моя мама родом из Донбасса. В тех краях было много родственников. Поэтому свой первый школьный год я провёл на Украине.

А уже во второй класс пошёл в Москве. Два года я проучился в школе-интернате № 2 для слабовидящих. Родителям хотелось, чтобы я учился именно в московской школе, качество образования в ней было выше, чем в школе в небольшом украинском посёлке.

Но зрение продолжало ухудшаться. Поэтому в четвёртом классе меня перевели в школу-интернат № 1, где были классы для слепых детей. Её я и закончил. Вообще, к началу школьной жизни остаток зрения составлял у меня около 9%, ко времени окончания школы — всего 1 — 2%. А полностью я ослеп к тридцати годам.

В 1966 году отца перевели служить в Кубинку, в Московской области, и наша семья стала жить там. Появилась возможность чаще видеться с родителями, чаще бывать дома. А в 1974 году папу перевели в Москву.

— Какие воспоминания вы сохранили о времени учёбы?

— Я всегда гордился тем, что наша школа имеет давние традиции, ещё со времён царской России. История школы меня всегда интересовала. Это учебное заведение внесло огромный вклад в дело образования и воспитания незрячих детей, их интеграции в общество.

В школьные годы я увлёкся историей. И уже в детстве было понимание того, что если довелось учиться в такой школе, то ей надо соответствовать. Я старался хорошо учиться, не подводить учителей и воспитателей. Хотя, конечно, были и детские шалости. Без них ни один ребёнок не вырос.

— *Как проявилось ваше увлечение историей?*

— Думаю, что увлечение историей помогло мне сформировать нравственный стержень. «Погружение в историю» на протяжении всей жизни, в том числе и в детстве, помогало справляться с теми трудностями и житейскими неурядицами, которые несёт с собой слепота.

Меня всегда интересовала история Второй мировой и Великой Отечественной войны. Наши люди, защитившие страну на фронте и отстоявшие её в тылу, были для меня примером. Когда мне в жизни было трудно или я испытывал какие-то обиды, то всегда говорил себе: солдатам в окопах было гораздо труднее, чем тебе!

Кстати, увлечение историей способствовало и возникновению дружеских контактов. Например, мы дружили с моим одноклассником Сергеем Юриным до самой его трагической кончины. В частности, нас связывал именно общий интерес к истории, хотя он был математиком.

Ещё один важный аспект — коллекционирование. Уже в детские годы у меня стала формироваться интересная

и довольно обширная коллекция. Я собирал модели военной техники и самолётов, железной дороги и транспорта, книги, фотографии, открытки, периодику и т.п., связанные с Великой Отечественной войной и предшествующими ей десятилетиями. У меня собрана внушительная коллекция художественных и документальных фильмов на эту же тему.

— *Многие люди, став взрослыми, забывают свои детские коллекции.*

— У меня было по-другому. Наоборот, с возрастом интерес к коллекционированию только возрастал. Это увлечение, зародившееся в детские годы, очень помогает мне и сейчас. Во-первых, обращение к коллекции является лучшим отдыхом, возможностью расслабиться, снять стресс после рабочего дня. Во-вторых, опыт собирательства помогает при работе с музеями, чем мне сейчас приходится заниматься как генеральному директору института «Реакомп».

— *Какие ещё воспоминания сохранились у вас о школьных годах?*

— Воспоминаний очень много. У нас был прекрасно организован летний отдых. Мы ездили в пионерские лагеря. Была замечательная самодеятельность, мы активно участвовали в различных городских мероприятиях. Работали физкультурные секции.

Конечно, вспоминаю, как мы иногда озорничали. Например, однажды вечером в нашей мальчишечьей спальне исчезли все подушки. Сразу же стало понятно: подушки уволокли девчонки.

В отместку был организован мальчишеский ночной рейд. Мы тщательно продумали план действий, но поскольку не знали, где спрятаны наши подушки, было

решено забрать подушки у девчонок, а в наказание за их проделки спрятать их школьную форму. Каждому был намечен его объект действий. Пока один отвлекал ночную воспитательницу на себя, остальные бесшумно бо-сиком проникли в спальню, но оказалось, что наш «противник» сумел предугадать наши ответные действия: подушки оказались пришитыми к матрасам.

Вспоминаю наше трёхдневное путешествие в Ярославскую область: мы побывали в древнем городе Угличе, на Угличском водохранилище. Одна ночёвка была в старинной школе прямо на территории усадьбы Некрасова Карабиха или непосредственно рядом с ней. Нас разместили в старинном двухэтажном деревянном доме. И ночью мои одноклассники стали изображать привидения, пугая друг друга. Это было вполне логично. Такой старинный дом не мог не навеять мысли о привидениях!

Учился я хорошо. Школу закончил почти на пятёрки, только по русскому и английскому языкам были четвёрки. Трудности с русским языком у меня начались в пятом классе. И отец предложил мне пари: если я смогу получить пятёрку за четверть, то он бросит курить. Я очень старался, мне хотелось, чтобы папа не курил. У него из-за этого уже начались проблемы со здоровьем. И я благодаря помощи нашего преподавателя — директора школы Н.А. Рейханова — выиграл пари. Получил «пятёрку» и очень этим гордился!

— *А ваш отец выполнил своё обещание?*

— Не сразу, но выполнил. Сначала он попросил дать ему небольшую отсрочку из-за нервотрёпки на службе. Потом попытался попросить ещё одну отсрочку. Но я взбунтовался. Мол, папа, условия пари надо соблюдать. И с этого дня до конца жизни отец не курил.

— *Сергей Николаевич, в школьные годы у вас не было опасений, что проблемы со зрением могут помешать вам реализоваться в жизни, найти себе дело по душе?*

— Конечно, были, было бы глупо это отрицать. Например, меня интересовала военная история. Но работа историка, архивиста связана с необходимостью получения визуальной информации. И у родителей тоже спрашивал: «А чем я буду заниматься, если у меня зрение такое плохое?»

Но мои родители всегда меня подбадривали, не давали впасть в уныние, рассказывали о том, как незрячие люди осваивают различные специальности. И в школе тоже царила позитивная атмосфера. У нас была возможность общаться со слепыми, достигшими значительных успехов. Помню, как к нам приезжал знаменитый незрячий конструктор Михаил Марголин, изобретатель «пистолета Марголина».

Наши незрячие учителя, в том числе преподаватель математики Г.П. Степанова и учитель литературы, кандидат филологических наук А.В. Тимофеев тоже могли служить примером для подражания. Я прекрасно помню любимое высказывание Анатолия Викторовича Тимофеева: «Я учу вас думать!» Его уроки действительно позволяли вникнуть в глубину текстов классической литературы, составить о них собственное мнение.

И ещё один важный аспект. Во времена моей юности работа на учебно-производственных предприятиях ВОС была вполне престижной. Там платили достойные зарплаты, была развитая социальная инфраструктура. Поэтому многие мои соученики, и я в том числе, вполне могли пойти после школы работать на УПП ВОС. Но это не значит, что в советское время все незрячие работали

на специализированных предприятиях. И в вузы поступали, как это и сейчас происходит.

— *Как сложилась ваша жизнь после окончания школы?*

— Я поступал на исторический факультет МГУ. Но, к сожалению, не прошёл по конкурсу. Пошёл работать сборщиком на УПП № 4. А через год поступил в Институт культуры, на факультет универсальных библиотек, получил профессии библиотекаря и библиографа.

— *Существует мнение, что библиотекарь и библиограф — это женские профессии.*

— На самом деле эти профессии актуальны и для мужчин, и для женщин. Современная библиотека — это многопрофильный информационный центр. Библиография как дисциплина занимается вопросами поиска и классификации информации. Библиограф — это лоцман в «бушующем информационном море».

Для того, чтобы быстро найти книгу, статью или любой другой печатный источник, они должны быть правильно описаны и классифицированы. Например, наше интервью благодаря работе библиографов смогут использовать люди, которые ищут информацию о реабилитации слепых.

Институт я закончил с красным дипломом. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Библиография в помощь слепым как средство содействия их социальной реабилитации (на материале сети библиотек РСФСР для слепых)».

— *Как складывалась ваша профессиональная деятельность?*

— С 1983 по 1992 год я работал в Республиканской государственной библиотеке для слепых. Начал работать в библиотеке после окончания аспирантуры. В 1990

году на базе одного из отделов библиотеки был открыт самостоятельный компьютерный центр для слепых, который мне было поручено возглавить. В 1992 году «Консультационно-методический центр» стал отдельным учреждением в структуре ВОС. Меня назначили его директором. А в 2001 году компьютерный центр вошёл в состав института «Реакомп».

Могу сказать, что все эти годы я работаю по специальности. Современная библиография теснейшим образом связана с развитием компьютерных технологий. Моя работа всегда была связана с использованием электронных тифлотехнических средств, то есть специального оборудования, облегчающего жизнь незрячих, дающего им возможность заниматься интеллектуальной деятельностью. Если говорить кратко, то мне предстояло самому освоить эти технические средства, а потом научить этому других незрячих людей.

— *Получается, что специализированная библиотека — это и центр инновационных технологий.*

— Совершенно верно. Это началось ещё в докомпьютерную эпоху. В 1983 году к нам поступил из Западной Германии первый русифицированный электронный тифлоприбор «Braillex 09 D» с электромагнитным дисплеем. По существу это был текстовый редактор. Незрячий пользователь с помощью брайлевской клавиатуры мог вносить информацию в буферную память прибора, вносить в текст изменения. Оборудование подсоединялось к электронной пишущей машинке-принтеру. И текст можно было самостоятельно распечатать на бумаге обычного формата.

Таким образом, незрячий человек смог самостоятельно, без помощи зрячего секретаря работать с текстом.

Студенты, аспиранты, научные работники стали активно им пользоваться.

— *А раньше таких приборов в СССР не было?*

— Похожая техника американского и западногерманского производства поступала в библиотеку уже с конца семидесятых годов. Но она не была русифицирована, не умела работать с русскими текстами. По ряду причин эксплуатацию этого оборудования не удалось наладить в наших условиях. Поэтому тифлоприбор «Braillex 09 D» действительно стал прорывом в деле организации работы незрячих людей интеллектуального труда.

Давайте не забывать о том, что в это время и зрячие люди пользовались только механическими печатными машинками и услугами машинисток. Это была очень востребованная и распространённая профессия! Тексты надо было по многу раз перепечатывать после внесения в них исправлений.

— *Получается, что слепые люди обогнали зрячих?*

— Можно сказать и так! Я сам с помощью «Braillex 09 D» готовил автореферат своей диссертации. И это очень облегчило мою работу. После встреч со своим научным руководителем я мог быстро внести в текст изменения. Мне не нужно было ждать, пока машинистка напечатает новый вариант текста, не нужно было пользоваться услугами чтецов.

Через несколько лет на смену «Braillex 09 D» пришли одиннадцать аппаратов «Versabraille» с более надёжным пьезоэлектрическим дисплеем. В нём в качестве долговременной памяти использовались стандартные компакт-кассеты, что упрощало для читателей использование этой техники. К «Versabraille» можно было присоединить и обычный, и брайлевский принтеры. Текст мог быть рас-

печатан и в плоскопечатном виде, и рельефно-точечным шрифтом. Таким образом в конце восьмидесятых годов работа незрячих людей ещё более упростилась.

— *Этой техникой нужно было учиться пользоваться.*

— Этим я и занимался. В конце 1980-х годов в библиотеке появились первые четыре аппарата прямого чтения «Optacon», давшие возможность незрячим людям самостоятельно работать с любым текстом, любой книгой, напечатанными плоскопечатным шрифтом или написанными от руки. Эти аппараты взяли на себя функции чтецов. Они могли помочь слепому распознать даже простейшие чертежи и схемы. Конечно, чтобы научиться пользоваться этой техникой, требовалось время. Например, обучение пользованием аппаратом «Optacon» требовало от 30 до 70 часов занятий.

— *Каким образом удалось изыскивать средства на покупку дорогостоящей техники?*

— Мы всегда находили поддержку и у руководства Республиканской государственной библиотеки для слепых, и у Центрального правления ВОС, и у государства, которое выделяло валюту. Было понимание того, что для незрячих людей жизненно необходимо иметь беспрепятственный доступ к информации. Этой позиции придерживался и Б.В. Зимин, руководивший ВОС с 1958 по 1986 год, и А.Я. Неумывакин, возглавивший ВОС в 1986 году.

Но самое главное — это желание незрячих людей осваивать компьютерную технику, их энтузиазм, трудолюбие и жажда знаний. В 1989 году в стенах Республиканской государственной библиотеки для слепых была проведена выставка немецкой компьютерной техники для незрячих. Её организовала фирма «Баум», один из мировых лидеров в этой сфере.

Я прекрасно помню, какой огромный общественный резонанс имела эта экспозиция. За пять дней её посетили около пяти тысяч (!) незрячих и слабовидящих людей из различных регионов Советского Союза. В рамках выставки были организованы мастер-классы по использованию компьютерной техники. Их проводил незрячий сотрудник фирмы «Баум» Йозеф Эндер, прекрасно владеющий русским языком.

— *Почему вы вспомнили сейчас об этой выставке?*

— Я думаю, что эта выставка стала ключевым, знаковым событием в деле «компьютеризации незрячих» в России. У нас и раньше шла эта работа. Но выставка придала развитию компьютерных технологий новый импульс. С фирмой «Баум» у нас наладилось не только деловое сотрудничество, но и настоящее партнёрство и тёплая дружба.

Йозеф Эндер и владелец фирмы «Баум» Вольфганг Баум — это люди, испытывающие искреннюю симпатию к России, стремящиеся помочь незрячим людям, а не просто вести здесь бизнес. Мне очень приятно, что с Йозефом Эндером мы и сейчас продолжаем сотрудничать, он регулярно приезжает в Россию.

Конечно, можно сожалеть о том, что современная компьютерная техника для незрячих лишь с недавних пор стала производиться в нашей стране. Но в России уже на раннем этапе стали доступны компьютерные новинки. И это замечательно!

Окончание беседы читайте в следующем номере журнала

ЮБИЛЕИ

Марина Платонова

ЮБИЛЕЙ ЛЮБИМОЙ БИБЛИОТЕКИ

Библиотека... Это слово знакомо нам с детства. И не только слово. Мы ходили в библиотеку, учась в школе, потом в вузе, да и просто для души. А душа жаждет новых хороших книг. Приходишь в библиотеку и погружаешься в особый мир. Здесь всегда найдётся интересный собеседник, с которым можно и о прочитанном поговорить, и просто окунуться в уютную доброжелательную атмосферу. Сейчас библиотеки становятся своеобразным центром культурного общения и в череде однообразных будней радуют нас праздниками, согревающими душу. Об одном таком событии я и хочу рассказать.

22 — 24 ноября 2016 года в Казани проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие — гуманитарный ресурс специальных библиотек в развитии социального туризма региона», приуроченная к 80-летию Республиканской специальной библиотеки для слепых и слабовидящих.

На юбилей собралось множество гостей: жители Казани, друзья и единомышленники, приехали на праздник и гости — представители различных библиотек из

десяти регионов РФ. В числе приглашённых была и я. Собираясь на торжество, я задумалась: а что мне известно об истории любимой библиотеки? Я стала интересоваться её прошлым. И вот что я узнала.

«Специальная библиотека для слепых Республики Татарстан — одна из крупнейших и старейших библиотек для слепых в Российской Федерации. Она была открыта 21 января 1936 года решением Казанского городского Совета. К концу 1939 года в ней насчитывалось 3 700 названий по Брайлю и 111 читателей. Уже в то время она была второй по величине библиотекой для слепых в России после московской.

В 1961 году библиотека начала выпускать аудиокниги на татарском языке, и это позволило приобщить к чтению незрячих в отдалённых районах Татарстана.

В 1975 году библиотека получила статус Республиканской и стала методическим центром по обслуживанию незрячих в Республике Татарстан. Библиотеки для слепых в других городах республики стали её филиалами.

В 1990-е годы в библиотеке особое внимание уделялось приобретению и самостоятельному изданию книг на татарском языке, комплектованию книжного фонда изданиями на языках народов, населяющих Республику Татарстан. В это же время укрепляются связи с библиотеками соседних республик с целью обслуживания читателей других национальностей, проживающих в Татарстане, книгами на их родном языке.

В целях максимального охвата библиотечным обслуживанием инвалидов по зрению в Республике Татарстан специальная библиотека для слепых идёт по пути интегрированного обслуживания и сотрудничает с 33 муниципальными библиотеками.

Своё предназначение специальная библиотека видит и в том, чтобы предоставить место для проведения досуга, чтобы дать возможность для получения информации, образования, повышения культурного развития инвалидов и просто для общения людей. Информационно-библиотечным обслуживанием охвачено около 4 000 инвалидов по зрению всех возрастных групп, членов их семей, других категорий инвалидов. Универсальный книжный фонд на русском и татарском языках составляют более 340 000 экземпляров книг на различных видах носителей информации.

Библиотека осуществляет издательскую деятельность по выпуску изданий краеведческого и тифлокраеведческого характера, художественной и учебной литературы на татарском и русском языках на электронных носителях, рельефно-точечным и укрупнённым шрифтом».

За этими чётко и официально изложенными фактами можно разглядеть многолетнюю созидательную работу всего коллектива библиотеки. Практически каждую неделю в ней происходит какое-то интересное мероприятие. Но юбилей — особый случай. Для участников праздничной конференции была продумана и подготовлена разноплановая программа. Уже накануне, 21 ноября, для гостей была организована экскурсия по Казанскому кремлю. Гармоничное соседство православных храмов и мусульманских мечетей, своеобразие их архитектуры и неповторимый колорит кремля производят неизгладимое впечатление на гостей нашего города.

Сотрудница библиотеки Фания Рифкатовна Муборакшина перед началом конференции поделилась с нами своими впечатлениями от вечерней прогулки: «Что сказать, гостей я вчера заморозила! Погода была довольно

прохладная. Экскурсовод очень добросовестно, интересно и подробно рассказала о каждом объекте Кремля. Мы заходили и в храмы, и в мечети. Даже я, жительница Казани, узнала много нового. А потом самые стойкие прогулялись со мной по нашей центральной улице Баумана. Мне кажется, прогулка и экскурсия удались на славу!» А разве могло быть иначе?! Казань — очень гостеприимный город.

С первых минут работы конференции, несмотря на официальность события, в зале установилась тёплая, почти домашняя атмосфера. Приветствия и поздравления звучали тепло и искренне. На праздник пришли друзья и коллеги: представители Министерства культуры РТ, Республиканского общества слепых и Республиканского центра социальной реабилитации, Национального музея РТ. Коллектив библиотеки получил почётные грамоты, благодарственные письма, а некоторым сотрудникам (например, Гелюсе Закировой) было присвоено звание заслуженный работник культуры. Несомненно, работа нашей библиотеки достойна наивысших похвал!

После поздравлений началась сугубо рабочая часть конференции. Выступления гостей — представителей региональных библиотек. Основная тематика докладов — краеведение и социальный туризм. Многие выступления были проиллюстрированы видеопрезентациями. Так, например, представители Ижевской библиотеки для слепых сумели гармонично совместить информативность и эмоциональную образность в своём выступлении. Очень познавательны были доклады представителей Крыма и Якутии. Туризм и краеведение — вот что наиболее ёмко может отразить колорит местности. Согласитесь, весьма любопытно узнать, как живётся людям в других регионах

нашей страны, где иной климат и, возможно, несколько иной менталитет.

В перерывах мы продолжали знакомиться и общаться. Я не раз слышала о Свердловской областной библиотеке для слепых. Поэтому была рада побеседовать с её директором Ириной Анатольевной Гильфановой.

— *Ирина Анатольевна, вы уже бывали у нас в Казани?*

— Да, для меня это родные места, я здесь училась. Ваша библиотека уникальная, одна из лучших в России. Надо изучать её опыт и внедрять в работу других библиотек.

— *У вас есть какие-то совместные проекты? Расскажите о них, пожалуйста.*

— Да, мы ведём совместную работу. Библиотека Татарстана подарила нам коллекцию книг (около 400), связанных с татарским языком и историей Татарстана. Мы проводили совместную акцию «Татарская книга на Уральской земле».

— *Каковы ваши впечатления от сегодняшней конференции?*

— Очень насыщенная программа. Тут и использование музейных технологий, и социальное партнёрство в работе библиотек. В настоящее время расширяются функции библиотеки: это комплексная модель социально-культурной реабилитации. Было много интересных докладов. Люди приехали из разных уголков страны, у каждого есть что-то примечательное. И конечно, хочется сказать большое спасибо директору вашей библиотеки Наилю Ибрагимовичу Сафаргалееву. Мы с ним общаемся не только по работе, но и дружим.

Я бы с удовольствием продолжила беседу с Ириной Анатольевной, хотелось более подробно расспросить о

запланированных в их библиотеке мероприятиях, но перерыв закончился.

Продолжились выступления участников конференции. К сожалению, не все желающие поздравить нашу библиотеку смогли приехать в Казань. Было прислано несколько видеопоздравлений в адрес нашей библиотеки и видеодокладов с рассказом о своей работе.

В завершение выступили представители нашей библиотеки. Марсель Гайфуллин, Эдуард Ибрагимов и Екатерина Краснова подошли к подготовке доклада творчески. Они представили театрализованную миниатюру на тему «Роль современных компьютерных технологий в работе библиотеки». Их выступление внесло нотку веселья и лёгкости в обсуждение серьёзных тем, но вместе с тем было весьма информативным.

Закончился первый день работы юбилейной конференции торжественным банкетом, на котором продолжали звучать поздравления в адрес нашей библиотеки. Ощущение праздника переполняло всех — и гостей, и хозяев.

Программа второго дня конференции была не менее насыщенная и разнообразна. Утро 23 ноября одарило нас солнцем и морозом. Первым пунктом программы была поездка на остров-град Свияжск.

Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами...

Да-да, на эти строки вдохновил Пушкина именно наш Свияжск.

Мы заняли места в уютном автобусе и отправились в путь. Экскурсовод Гульнара укрепила всеобщий позитивный настрой своей доброжелательностью и интересным рассказом об истории Казани и её пригородов. Время в пути пролетело незаметно. Вот и Свияжск. Перед нами на возвышенности раскинулось уникальное село. Величественные храмы шестнадцатого века гармонично соседствуют с современными постройками. Поднявшись по широкой крутой лестнице, мы словно попали в чудесный мир. Мы слушали экскурсию и любовались живописным видом на реку и противоположный берег Волги.

Кстати, в Свияжске нас, кажется, ждали и были нам рады. Кто? Чёрно-белая кошка! Она тёрлась у наших ног, словно приветствовала и приглашала погостить на острове волшебных сказок и легенд...А Гульнара продолжала свой увлекательный рассказ:

«Шестнадцатый век! Иван Грозный отправляет сюда трёх священнослужителей. Они посмертно причислены к лику святых. Это были Гурий, Герман, Варсонофий. Святителя Германа отправляют в Свияжск, где он основывает Успенский монастырь. Святитель Гурий на территории Казанского кремля обустроивает Благовещенский собор. Святитель Варсонофий там же на территории кремля обустроивает мужской монастырь, но сейчас от него остался только цокольный этаж. С какой целью царь отправил сюда священнослужителей? С целью христианизации новых завоёванных земель Поволжья. Таким образом, в Свияжске было обустроено три монастыря. Успенский, Иоанно-Предтеченский женский и Троице-Сергиевский мужской монастыри. Успенский монастырь был когда-то крупнейшим и богатей-

шим, имел свои земли, имел право беспошлинной торговли рыбой и солью...»

Некоторое время в сопровождении чёрно-белой кошки мы гуляли по Свияжску, заходили в храмы и музеи. Мороз бодрил, подгонял вперёд. Но мы ускоряли шаги не только поэтому: хотелось как можно больше увидеть и услышать и как можно больше запомнить...

Вернулись в Казань с ощущением полезно и приятно проведённого времени. И тут же окунулись в финальную часть работы конференции. Экскурсия по библиотеке для гостей. Заседание круглого стола, подведение итогов конференции.

В завершение юбилейных торжеств мы побеседовали с директором нашей библиотеки Наилем Ибрагимовичем Сафаргалиевым и попросили его поделиться впечатлениями о конференции. Всё ли задуманное удалось свершить?

— Наверное, никогда не удаётся всё, что задумано, исполнить. Что-то всё равно остаётся невыполненным. В целом я думаю, что участники конференции дадут ей хорошую оценку. По сравнению с конференцией, которую мы проводили в 2011 году, участников было, конечно, меньше. Это понятно. Кризис. Но по значимости, по уровню это мероприятие не ниже, а в чём-то и выше, чем прошлая конференция. К нам приехали прекрасные специалисты, директора библиотек, сильных библиотек. Получился очень деловой конструктивный разговор, затрагивались многие актуальные проблемы. Например, для себя я почерпнул очень много нового. И о нашей работе мы, конечно же, рассказали. И резолюцию приняли, наметили пути сотрудничества. Сила наших библиотек в солидарности, коллегиальности у

нас довольно развита. И благодаря этому мы выстояли в трудные времена.

Да, действительно, встреча получилась информативно содержательной и эмоционально насыщенной. Конференция завершилась, гости разъехались. Все окунулись в привычные трудовые будни.

Желаю вам, уважаемые читатели, радостных встреч с новыми хорошими книгами! Мир литературы увлекателен, загадочен и беспределен.

ПРОБА ПЕРА

Лидия Бирюкова

*Ученица школы-интерната
для незрячих детей г. Армавира*

ВЕСЕННЕЙ ПОРОЙ

Весенней порой,
Весёлой такой,
Любила с утра
Бежать я в поля
По мокрой траве,
По родимой земле,
В тумане, что стлался
В любимых лугах,
По мягкому мху,
Что в сосновых борах.
Любила купаться
В ленивой речушке
И в гору взбираться
До самой верхушки.
Раздвинув кустарник,
Играла с оленем.
И мчалась обратно
К маме Елене!

Артём Медников

*Ученик Челябинской школы-интерната
№ 127 для слабовидящих детей*

КОГДА Я СТАНУ ВЗРОСЛЫМ

Когда я стану взрослым,
Отвечу на вопросы:
Зачем живу на свете я,
И где была душа моя.
Затем построю ресторан,
Объеду много разных стран.
Я научусь, как Бони,
Играть на саксофоне.
На вертолёте полечу
Куда хочу и с кем хочу!
Ещё построю институт.
Учёные изобретут
Машину времени, пока
Я покоряю облака.
Я так хочу полезным быть,
Жизнь интересную прожить!

Илья Кравцов

*Ученик Челябинской школы-интерната
№ 127 для слабовидящих детей*

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЛКОВНИКА

Рассказ, где все слова начинаются на одну и ту же букву!

Перед Первомайскими праздниками полковник полиции Павел Петрович Прокин поехал проверять петер-

бургских подчинённых. Папу провожали пять пацанов: подростки — Павел, Пётр, Потап; погодки — Пахом, Панкрат.

По перрону пронеслось:

— Пассажирский поезд пятьсот пятьдесят пять прибывает. Первая платформа, первый путь.

Поезд подошёл. Папа предъявил паспорт, проверил портфель, пацанов потрепал по плечам. Попрощался.

— Просим провожающих покинуть поезд.

Папа помахал пацанам.

Павлу Петровичу полагалась пятая плацкартная полка. Полковник получил постельные принадлежности, поужинал. Пересмотрел папки, проверил персональную почту. Прогулялся по плацкарту. Почитал прессу. Подремал.

Павлу Петровичу приснилось: пальмы, прибор, по пустому побережью прогуливается «половинка» Полина: пурпурное платье, прекрасная причёска. Полина протягивает пасхальный пирог полковнику... Поезд притормозил. Полковник проснулся.

По проходу пробирался посторонний пассажир: потрёпанный пиджак, перепачканное пальто, порванные перчатки, пораненные пальцы. Под полкой пальто проглядывал прямоугольный предмет. Павел Петрович привстал.

«Подозрительный посторонний, — подметил полковник, — преступлением пахнет».

— Подождите, пожалуйста. Полковник полиции Прокин, — представился Павел Петрович. — Предъявите паспорт.

Пассажир передёрнул пистолет, прицелился. Пуля проскользнула по погону полковника. Преступник понёсся по проходу, пробегая плацкарты, по пути перекиды-

вая полки. Полицейский попросил подкрепление. Погоня продолжалась полчаса. Пальба, паника, пассажиры перепуганы, проводники попрятались.

Подоспел патруль. Подозрительный пассажир пойман! Профессиональный преступник похитил подлинник Пикассо. Преступление предотвращено!

Поутру Павел Петрович покинул поезд. По-питерски пасмурно. Погода портилась.

— Поспать получится после проверки, — поёжился полицейский.

После первомайских праздников полковник получил повышение.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Глеб Еремеев

БЕЖЕНЦЫ

Мы в эвакуацию отправились
Накануне битвы, в декабре.
Утренние дали медно плавилась,
И чернели ёлки на заре.
Белым садом по тропе нехоженой
Мать пожитки в саночках везла.
Бабушка корову вслед вела
На ремне от старой сбруи кожаной.

Немец из-за речки миномётами
Методичный начинал обстрел.
На краю деревни за омётами
Старенький амбар уже горел.
Как заря вторая, встало зарево.
Нас невольно колотила дрожь.
Вкусно и светло горела рожь,
Сытный дым качался, точно марево.

Выйдя в поле, шаг мы прибавили,
В лес ушли, в укрытие стволов.
Дети, мы не спрашивали, вправе ли
В горе покидать родимый кров.
Я оправдываться и не пробую

И о снисхожденье не прошу.
До сегодняшнего дня ношу
Я на сердце ненависть особую.

А тогда под воющими минами
Я бежал, дыханье затая.
На снегу горящими рябинами
Мне повсюду мнилась кровь моя.
Бабушка, корову подгонявшая,
Всё собой старалась заслонить,
Чтобы не смогла её убить
Мина, вдруг поблизости упавшая.

По снегам, чернеющим от копоти,
Из того расстрелянного дня
Убегали мы куда ни попадя,
Лишь бы убежать из-под огня.
Так и началась эвакуация
Тем далёким утром для меня.
Ужасы того припомнить дня
До конца не буду и пытаться я.

ГОЛОС ВЕТРА

Завыванье ветровое
В остывающей трубе
Воскрешает снеговое,
Путевое, полевое,
Злое прошлое в судьбе.

В сорок первом, отступавшем,
Тяжко раненном году,

В белом поле, навзничь павшем,
Я впервой узнал беду —
Это детство фронтовое
Отступило в том году.

Ветер бился в диком вое
На пожарище в трубе,
Всё бывшее домовое,
Огневое, дымовое
Разметав по городьбе.

Беззащитность, бесприютность,
Под обстрелом долгий путь.
А потом другая трудность —
Приютиться где-нибудь.
Ты крылечко то кривое
Помни, сердце, не забудь.

В полустоне-полувое
Ветра зимнего в трубе
Мнится что-то роковое,
Словно прошлое живое
Плачет о самом себе.

Нет, запас ещё не вылит
Слёз, отпущенных войне:
Если выстрел в грудь навывлет
Рану чувствуешь в спине,
И страданье тыловое
Тяжело, как на войне.

В полувсхлипе, в полувое
Ветра зимнего в трубе

Слышу, словно плачут двое —
Мать и я —
И в тёмной хвое
Фото вешают в избе.

НАЧАЛО СУДЬБЫ

На край земли мело позёмкой,
Куда спускался край небес
И где зазубренной каёмкой
Чернел за белым полем лес.

За этой траурной чертою
Была Москва, была страна,
А по стране большой бедою
Уже катилась вспять война.

Сегодня словно вижу вновь я
Начало всей моей судьбы,
Поля родного Подмосковья
Да телеграфные столбы.

Столбы вели среди метели
Дорогу, видную едва.
И жутко так они гудели,
Неся нелёгкие слова.

По той дороге мы, ребята,
Встречая маму, к лесу шли,
Бывало, чуть не до заката
И стыли в снеговой пыли.

Она в деревню нам, голодным,
Везла паёк московский свой,
А мы под ветром шли холодным,
Мечтая свидеться с Москвой.

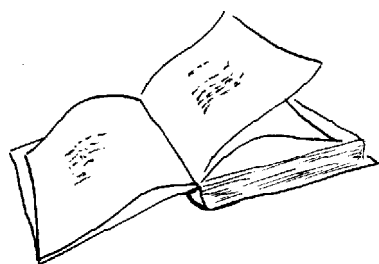
ЧЕРЕЗ ПЛАМЯ ВЗРЫВА

Я из детства ушёл, не как все,
А шагнув через пламя взрыва...
В молодом серебристом овсе
Мина мягкую землю взрыла.

Вновь засеяли землю весной,
От дождей оплыла воронка...
Трудно вырасти из ребёнка,
Искалеченного войной.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

1913 — 1978

Владимир Лифшиц — поэт «военного поколения». В 1941 году ему было не впервой надевать военную форму. В качестве фронтового журналиста он участвовал в финской кампании 1940 года. Отечественную начал политруком батальона. После разгрома народного ополчения под Ленинградом вывел, лесами и болотами, остатки своего батальона из немецкого окружения. Потом он снова стал фронтовым журналистом. До начала 1944 года служил на Ленинг-

радском фронте, был дважды награждён за храбрость, однажды ранен, но тяжело и после госпиталя уже не мог вернуться на фронт.

В годы войны поэт подготовил и издал пять сборников. Его военные стихотворения, которые он считал достойными перепечатки в позднейших сборниках, — о тоске по дому, о постоянной близости смерти, о войне как повседневном труде. По признанию самого поэта, четыре года самой страшной войны двадцатого века были самым лучшим временем в его сознательной жизни. Мотив ностальгии по чистым и честным временам войны постоянно возвращается в позднюю лирику Владимира Лифшица. Одно послевоенное стихотворение так и начинается: «Дайте вновь оказаться / В сорок первом году...»

Военная тема не была единственной в его творчестве. Он писал стихи всю жизнь. Первое стихотворение было опубликовано в 1934 году, последний сборник вышел уже посмертно. Но имя его широкой известности не получило, хотя некоторые его стихи или только стихотворные строки очень даже известны. У стихов Владимира Лифшица вообще странная судьба — они живут без имени автора.

«Наш Котище — кот приметный. Потому что он трёхцветный» или «Не знаю кто, не знаю как, а я болею за „Спартак“» — это не народные присказки и не считалки, это строчки из его детских стихов.

Песни из кинофильма «Карнавальная ночь» — про пять минут и «Ах, Таня, Таня, Танечка» — у всех на слуху и, наверное, будут в народной памяти ещё долго, но вряд ли кто-то помнит фамилию автора текста. Конечно, такие тексты писались для заработка. Но в это же время было написано и такое стихотворение:

Человек, потерявший деньги,
Сокрушается и жалобно вздыхает.
Человек, потерявший друга,
Молча несёт своё горе.
Человек, потерявший совесть,
Не замечает потери.

В популярнейшей в 1970 — 1980 годах «Литературной газете» Владимир Лифшиц был одним из авторов коллективной мистификации — поэта душелюба и людоведа Евгения Сазонова, пародии на «среднестатистические произведения советской литературы» в духе социалистического реализма.

Михаил Борзыкин из группы «Телевизор» положил на музыку стихотворение Лифшица «Квадраты», и его называли «последним честным рокером в стране», даже не подозревая, что у стихов совсем другой автор.

УРОК

Обычный класс. Доска, и шкаф, и стол.
И, как всегда, стоит за партой парта.
И, свежeweмытый, сосною пахнет пол.
И на доске потрёпанная карта.

Как зачарованный сегодня класс притих.
Ведёт наставница в извозчичьем тулупе
Воспитанников колпинских своих
Вслед за указкою — по знойной Гваделупе.

Но вот звонок звенит над головой,
И, заложив цветные промокашки,

Выходят школьники, чтоб поиграть в пятнашки
В двух километрах от передовой.

КРУЖКА

Всё в ней — старой — побывало,
Всё лилось, друзья, сюда —
И анисовая водка,
И болотная вода!

Молоко, что покупали
Мы с комроты пополам,
Дикий мёд, когда бродили
Мы у немцев по тылам,

И горячая, густая
Кровь убитого коня,
Что под станцией Батецкой
Пьяным сделала меня!..

Вот уж год она со мною:
То внизу — у ремешка,
То у самого затылка —
У заплечного мешка.

А вчера в неё стучала,
Словно крупный красный град,
Замороженная клюква —
Ленинградский виноград!..

Может быть, мои вещички
Ты получишь в эти дни.

Всё выбрасывай! Но кружку
Ты для сына сохрани.

Ну, а если жив я буду
И минувшие дела
Помянуть мы соберёмся
Вкруг богатого стола, —

Средь сияющих бокалов —
Неприглядна и бедна —
Пусть на скатерти камчатной
Поприсутствует она,

Пусть, в соседстве молодёжи,
Как ефрейтор-инвалид,
Постоит себе в сторонке —
На веселье поглядит...

ВЕСНА

Один сказал, что это бьёт
Гвардейский миномёт.
Другой — что рывкают опять
Калибры двести пять.
— Форты, наверно, говорят, —
Поправил я ребят.
А недобрившийся комбат
Сказал, что нас бомбят.

Потом на воздух всей гурьбой
Мы вышли вчетвером
И услышали над собой
Чудесный майский гром.

САД

Здесь каждая былинка и сучок
Исполнены военного значенья:
Улитка тащит бронеколпачок;
Ползут кроты по ходу сообщенья;
Резиновым вращая хоботком,
Что мы в стихах отметим, как в приказе,
Кузнечик под коричневым грибком,
Как часовой, стоит в противогазе.
И если сын попросит: — Расскажи! —
Я расскажу, что вот — пока не сбиты, —
Как «Юнкерсы», пикируют стрижи
И комары звенят, как «Мессершмитты».
Что тянет провод жёлтый паучок,
Что, как связист, он не лишён сноровки
И что напрасно ночью светлячок
Не соблюдает светомаскировки.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

«Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила...»
Косоприцельным огнём бил из дворца пулемёт.
Мы, отступая последними, в пушкинском парке
Деву, под звяканье пуль, в землю успели зарыть.
Время настанет — придём.

И безмолвно под липой столетней
Десять сапёрных лопат в рыхлую землю вонзим.
«Чудо! Не сякнет вода,
изливаясь из урны разбитой» —
Льётся, смывая следы крови, костров и копыт.

Вы мне напомнили о том,
Что человеку нужен дом,
В котором ждут.

Я сто дорог исколесил.
Я молод был. И я спросил:
— Быть может, тут?..

Не поднимая головы,
— Быть может, тут, — сказали вы, —
Смеяться грех...

Война... И тяжкий ратный труд.
И кровь... Но дом, в котором ждут,
Он был у всех.

Я, как и все, в пути продрог.
Он полон был таких тревог,
Он так был крут...

Стою с котомкой под окном.
Открой мне двери, милый дом,
В котором ждут.

ПОГИБШЕМУ ДРУГУ

Прости меня за то, что я живу.
Я тоже мог остаться в этом рву.

Я тоже был от смерти на вершок.
Тому свидетель — рваный мой мешок.

Прости меня за то, что я хожу.
Прости меня за то, что я гляжу.

За то, что ты лежишь, а я дышу,
Я у тебя прощения прошу...

О дружбе тысяч говорим мы вслух,
Но в дружбе тысяч есть и дружба двух.

Не мудрено, что в горький тот денёк
И среди тысяч был я одинок.

Тайком я снял с твоей винтовки штык,
К моей винтовке он уже привык.

И верю я, что там, в далёком рву,
Меня простят за то, что я живу.

Мне солдатские снились котомки,
И подшлемников серых кора,
И свистящие змеи позёмки,
И гудящее пламя костра.

Пулемёт утомительно гукал.
Где-то лошадь заржала в лесу.
Я тяжёлую руку баюкал,
Как чужую, держал на весу.

Лес был тих, насторожен, заснежен.
Был закончен дневной переход.

На подстилках из колких валежин
Отдыхал измотавшийся взвод.

Кто-то шуткой ответил на шутку,
А потом занимался рассвет,
И тугую скрутил самокрутку
Мне товарищ, которого нет.

* * *

Вот карточка. На ней мы сняты вместе.
Нас четверо. Трех уж нынче нет...
Ещё не вторглось в карточку известье
О том, что взвихрен, взорван белый свет.

Ещё наш город давней той порою
На ней хранит покой и красоту.
Ещё стоят, смеются эти трое,
Дурачатся на Троицком мосту...

Ну что ж, ты жив. Но ты себя не мучай.
Ты за собой не ведаешь вины.
Ты знаешь сам, что это только случай.
Слепая арифметика войны.

Но как смириться с тем, что где-то в Бресте,
Или в Смоленске, или где-нибудь
Перед войной снимались люди вместе —
И некому на карточку взглянуть?

* * *

Дайте вновь оказаться
В сорок первом году —
Я с фашистами драться
В ополченке пойду.

Всё, что издавна мучит,
Повторю я опять.
Необучен — обучат.
Близорук — наплевать.

Всё отдам, что имею,
От беды не сбегу,
И под пули сумею,
И без хлеба смогу.

Мне там больше не выжить —
Не та полоса.
Мне бы только услышать
Друзей голоса.

КАКИЕ У КЕНГУРУ УШИ?

В зоопарк Вадик Королёв вовсе и не собирался. Он уже вышел из того возраста, когда люди согласны хоть каждый день ходить по зоопаркам, а то и остаться там насовсем. Вот творческая командировка художника — это другое дело!

— Чего ты телишься, Король?! — оторвавшись от своего «чистописания», недовольно скривился Саня Гостев. Человек этот обладал круглым девчоночьим почерком и потому уже долгие годы маялся на посту редактора школьной стенгазеты. — Малюй давай карикатуру! Или непонятно объяснил?

— Понятно, — нехотя отозвался Вадик. — Не рисуется чего-то... Настроения нет...

Вадик знал уже, что у настоящего художника так и должно быть: то настроения нет, то вдохновения. И признаться в этом не только не стыдно, но даже наоборот — вроде как почётно.

— А у меня есть, да?! — заволновался Саня. — А я вот всё равно сижу и пишу, пишу и сижу!

— Ребята, не ссориться! Давайте жить дружно! — вмешалась десятиклассница Ирина. Она, по её же собственным словам, «принимала самое непосредственное участие в выпуске газеты». А поскольку ни красиво писать, ни тем более рисовать не умела, то руководила. — Саня, не отвлекайся! Вадик сейчас всё сделает! Делов-то! Изобразить Фролова из шестого «Б» в виде кенгуру, как он прыгает по коридору, только и всего.

— Вот ты сама возьми карандаш и изобрази, — не очень уверенно нагрубил Ирине Вадик. И добавил: — Если уж так просто всё...

— Ы-ы-ы! — заскрипел зубами Саня. — Я вот тоже в следующий раз скажу директору: «Марина Витальевна, делайте всё сами!» Почему это ему можно, а мне нельзя?!

— Тебе нельзя, — отрезала Ирина. — Тебе даже думать о таком стыдно: ты из приличной семьи!

— Ы-ы-ы! — простонал Саня, на этот раз обречённо.

Вадик посмотрел на Ирину с интересом. Та дружила с Игорем, старшим братом Сани, и насчёт семьи — это у неё здорово получилось и к месту.

— Что тебе мешает нарисовать Фролова в виде кенгуру? — напрямик спросила Ирина. — Личные симпатии или антипатии? Общественное мнение? Боязнь мести со стороны окарикатуренного?

— Ничего мне не мешает, — хмыкнул Вадик. — Просто я не помню, какая у кенгуру голова.

— Зачем тебе голова?! — снова влез в разговор редактор. — Ты ж вместо кенгуровой морды фроловскую нарисуешь, правильно?! Так что не увиливай!

Вот уже вторую неделю вся школа на переменах прыгала с места в длину. Инициатором, зачинщиком и чемпионом этого движения был, по словам Ирины, Димка Фролов. По правде сказать, в его великолепных прыжках и в самом деле было что-то кенгуриное.

— Морду я вообще чью хочешь смогу нарисовать, — слегка прихвастнул Вадик. — А вот скажи, какие у кенгуру уши? Может, фроловские нарисовать? Или твои?

— Всё ясно! — Ирина неожиданно поддержала Вадика. — Твоя позиция мне понятна, и она заслуживает всяческого одобрения и поддержки!

Она порылась в портфеле и выудила оттуда деньги.

— Держи вот! Дуй в зоопарк — одна нога здесь, другая там. В творческую командировку мы тебя направляем, разберись со своими ушами!

— Не надо, у меня есть, на билет хватит. — Вадик почувствовал неловкость ситуации.

— Бери, говорю! — скомандовала Ирина. — Всё-таки по заданию редакции идёшь!

Командировка по заданию редакции — дело серьёзное. Зоопарк находился совсем рядом, через две трамвайные остановки. Может быть, от сознания важности дела, может, ещё почему, но по дороге к Вадиду вернулось то самое рисовальное настроение. И ещё появилось настоящее любопытство: в самом деле, какие же у кенгуру уши?

Вот дела: он легко представил себе всего кенгуру, представил замершим перед прыжком, а затем и в движении. Но вот уши!.. Глянуть бы одним глазком, а потом он им такого Фролова выдаст!

Зелёные зоопарковские ворота оказались закрытыми. Вадик, чтобы окончательно убедиться, что это не случайность и ворота захлопнуло не ветром, подёргал их руками. Ворота железом загрохотали в ответ. И почти сразу в заборе открылась дверка.

— Не ломай, всё равно не сломаешь! А вот зверей всех перепугаешь! — посоветовал добродушного вида дед.

— Мне надо в зоопарк, — сказал Вадик и сам поразился, как глупо это прозвучало.

— Ясно, надо, — согласился дед. — Всем надо. Да где ж ты раньше был? Зоопарк закрыт, сегодня звери до шести только работали.

— А сейчас сколько? — спросил Вадик. Хотя какая разница сколько, всё равно уже закрыто.

— Семь скоро.

— А-а... С утра я в школе был, и потом тоже в школе — мы там газету делали. Мы и сейчас её делаем, только вот меня послали на кенгуру посмотреть, чтобы, значит... ну, уши у кенгуру какие... — Вадик запутался в объяснениях, но дед понял.

— Тю-у! — присвистнул он. — Так это же не к нам! То есть по нашему, конечно, ведомству, да только кенгурей этих самых в нашем зверинце отродясь не бывало!

— Зря, значит, пришёл, — огорчился Вадик. — Ну извините, пойду я...

— По делу, говоришь... — Дед задумчиво потёр шершавый подбородок. — А ну, заходи.

— Так ведь нет же у вас кенгуру, — напомнил Вадик.

— Зато Сергей Иванович есть. — Старик произнёс это особенно веско и даже, кажется, подмигнул мальчишке. — Сергей Иванович — доктор такой! И всякое зверьё знает! Проходи!

Сарайчик, на который показал сторож, находился в самом конце неширокой аллейки.

— Тс-с! — раздался предостерегающий шёпот, едва Вадик просунул голову в дверь. Внутри оказалось темно: то ли окна были чересчур маленькими для такого помещения, то ли их закрыли чем-то непрозрачным, а свет не включили. — Я же предупреждал!

— Извините. — Вадик попятился. — Мне нужен Сергей Иванович. Меня послали сюда, мне на входе сказали...

— Я Сергей Иванович! — На этот раз шёпот показался Вадиду сердитым.

— Я же не знал, что вы заняты, — снова извинился он и собрался было захлопнуть дверь, но человек в темноте заговорил вдруг нормальным голосом:

— Я не занят, я свободен! Да заходи ты, наконец! И дверь прикрой, сквозит! — И добавил шёпотом: — Кто там у тебя? Собака? Кошка?

— Кенгуру. — Вадик перешагнул порог и закрыл дверь. Из-под одеяла торчала только мордочка с широко открытыми тёмными глазёнками.

Глазки эти неподвижно уставились куда-то в угол; немигающие и тусклые, они показались Вадиду мёртвыми.

— Кто это? Он умер? — тихо спросил он.

— Жива, — так же тихо отозвался человек, сидящий на маленьком складном стульчике перед закутанным в одеяло существом. И пояснил: — Это она, а не он. Девочка.

— Девочка, — эхом повторил Вадик. — А что с ней?

— Родилась вот... Появилась на свет, — объяснил Сергей Иванович. — Сегодня ночью.

— А! — улыбнулся Вадик. — А я-то думал! Даже испугался!

— Я вот тоже думал, — вздохнул Сергей Иванович. — А вот ведь как выходит...

— А где же её мать? — снова встревожился Вадик, почувствовав, что что-то здесь не так: ведь у любого новорождённого должна быть мать!

— Там, — неопределённо махнул рукой доктор, — у себя в вольере. И в этом нет ничего удивительного, по правде сказать, потому что они чрезвычайно редко размножаются в неволе. Можно сказать, почти никогда. Уникальный случай.

— Так это же хорошо, — неуверенно сказал Вадик.

— Грета отказалась кормить свою дочь. И винить её совершенно не в чем: просто у Греты нет молока.

Стало слышно, как за окнами шуршит листьями осенний ветер.

— Она умрёт? — прошептал Вадик, холодея от этих слов.

— Нет, если малышку покормить, — тусклым голосом ответил доктор. — Вот только всё дело в том, что я не знаю, как это сделать. Она не хочет брать соску! Выплёвывает!

— А почему же вы тогда сказали, что не заняты? — не к месту вспомнил вдруг Вадик. — Вы же очень даже заняты!

— Чем я занят?! — с горечью воскликнул Сергей Иванович. — Сижу без толку и не могу ничего придумать! Этим я занят, да?!

— Можно я попробую? — Вадик стало невыносимо жаль этого человека. — Можно я попробую её покормить? Ну что же ты, что ты? — повторял Вадик, чтобы не разреветься. — Ну что ты? Знаешь, как вкусно?! Замечательное молоко в этой соске! Ну попробуй хотя бы, а?

Новорождённая уже не выталкивала соску языком, не отбрыкивалась, не мотала головой. Даже не отплёвывалась. Она равнодушно позволяла засунуть соску в рот, покорно давала разжать беззубые дёсны, но не делала больше никаких движений, только моргала время от времени тусклыми своими глазёнками.

— Ну, видимо, всё бесполезно... — вздохнул Сергей Иванович. — Против природы не пойдёшь.

И вот тогда Вадик не выдержал и разревелся.

Он продолжал поглаживать нежную шерсть между ушками, там, где со временем должны были появиться бугорки рогов, а слёзы текли по щекам, и губы сами, помимо воли твердили:

— Ну пожалуйста, ну немножко совсем, ну пожалуйста...

Слабый, едва различимый чмокающий звук раздался вдруг в сарайчике...

— Ты беги, уже поздно, — сказал наконец Сергей Иванович.

— А вы?

— Я ещё немного тут посижу. На всякий случай, — успокоил Вадика доктор. — Да ты не волнуйся, теперь-то уж точно всё будет в порядке. Эх, и лёгкая же у тебя рука, парень!

Они давно сидели при неярком электрическом свете, но кто и когда зажжёт этот свет, Вадик не помнил.

— Иди-иди, — доктор подтолкнул Вадика к двери, дружески подмигнул. — И за собаку свою не волнуйся, адрес теперь знаешь, приходите вместе!

«За какую собаку?» — хотел спросить Вадик, но, увидев усталые глаза доктора, промолчал.

На улице была ночь.

В школе светились лишь два окна: сторожихино на первом этаже и на третьем — кабинет литературы, где обычно делали школьную стенгазету.

И тут только Вадик вспомнил, кто он и зачем вернулся к школе.

Художник Вадим Королёв находился в творческой командировке. И единственный вопрос, который он не задал доктору Сергею Ивановичу, это: какие у кенгуру уши?

— Явился, талант?! — Саня был настроен благодушно. — Хорошо погулял? Поужинать не забыл? Одиннадцатый час, между прочим!

Ирина складывала в коробку карандаши.

— Я сейчас, быстро! — начал было Вадик.

— И без тебя справились, сейчас повесим. Экстра-класса газетка получилась! — устало закончил Саня. — А ты думал, не справимся?

Вадик через Санино плечо заглянул в разложенную на сдвинутых столах газету.

В правом нижнем углу в лихом прыжке был нарисован Фролов-кенгуру. И уши у Фролова были самые обыкновенные, фроловские.

ВРАТАРЬ СБОРНОЙ

Змей Горыныч у бортика легко обыграл неповоротливого Катая. Тот, неуклюже развернувшись, бросился за нападающим, но было уже поздно: даже не притормозив, Змей с ходу «щёлкнул» — и шайба ткнулась в металлическую сетку ворот. Катай что-то негромко сказал Змею Горынычу. От забора не было слышно, что. Змей пожал плечами и неторопливо покатился к центру площадки. Всё было понятно и без слов: легко забивать в пустые ворота!

У Лёшки на заборе своё любимое место есть — левее столба, там ещё скоба торчит, для ног удобно. И вообще, когда на заборе сидят и смотрят хоккей, это уже трибуна получается.

Болельщики всегда приходили раньше хоккеистов, рассаживались на заборе, как воробьи. И ждали.

— Ты за кого? — каждый раз спрашивал Юрка Соболев, хотя мог бы и не спрашивать.

— За наших! — каждый раз гордо отвечал Лёшка.

Змей Горыныч с Катаем, нападающий и защитник, кругами раскатывались теперь рядом, о чём-то разговаривая. Остальные хоккеисты занимались кто чем: при-

седали у бортика, просто размахивали руками. Шайба одиноко чернела в центре поля.

Конечно, тренировка — это ещё не игра. Игра — завтра. Сборная против сборной, «наши» против тридцать третьей школы. И завтра мощный, слегка неуклюжий Гена Катай уже не станет кисло подмигивать Змею Горынычу, а просто даст ему такой точный пас, что пусть в ворота соперника встанет хоть сам Владислав Третьяк...

Да, а вот кто будет защищать ворота «наших»?

Игроки собрались в кучу, обступили какого-то парня, прибежавшего со стороны школы. Змей Горыныч слегка прижал Катая к бортику — так, шутя показал силовой приём — и рванулся к остальным.

Парень что-то рассказывал, возбуждённо размахивая руками. Змей послушал-послушал и в сердцах хрястнул клюшкой об лёд... И тут его взгляд упал на забор. Змей подкатился ближе, к самому бортику.

Лёшка с Юркой замерли: человек всегда чувствует, что сейчас, в этот самый момент произойдёт нечто особенное, важное и надо быть внутренне готовым не прошлёпать этого.

Змей Горыныч пронзительно свистнул и махнул клюшкой. Лёшка сразу понял, что машет он именно ему, но на всякий случай оглянулся по сторонам.

— Ты, ты, толстый! — крикнул Змей. — Ну, чего сидишь, давай сюда!

Лёшка спрыгнул с забора в глубокий снег, провалился, но почти бегом бросился к Змею.

— Ты из нашей школы? Из какого класса? — спросил Змей.

— Из нашей. Из четвертого... «А»...

— Это хорошо, «подставками» мы не балуемся!

Тяжело подкатился защитник.

— Ты чего это, Змей?

— Взгляни, если мы вот этот «сундучок» вместо Портного поставим? Он же половину ворот просто так закроет, не двигаясь даже!

Впервые в жизни Лёшка не обиделся, хотя разговор шёл о его излишней полноте. Даже, удивительное дело, ему было приятно! Ну кто ещё сможет почти полностью закрыть собой ворота сборной школы?!

Катай странно хрюкнул. Но Змей, положив сильную руку на Лёшкино плечо, серьёзно спросил:

— Шайбы не испугаешься?

— Нет, — еле выдавил из себя Лёшка: счастье душило его, мешая говорить.

— Ты хоть на коньках-то можешь стоять, сундук? — угрюмо поинтересовался Катай.

— Да...

— Портной тоже в валенках начинал! — успокоил Катая и Лёшку Змей Горыныч. Вратарь Портной, в миру Валька Портнов, был лучшим другом Змея, и уж тому ли не знать, в чём Валька начинал!

Ребята в одинаковых зелёных свитерах с цифрами на спине недоверчиво оглядели нового вратаря, одетого в длинное зимнее пальто и подшитые валенки, но никто ничего не сказал.

Змей подтолкнул Лёшку к воротам.

— Саня, кинь ему краги! — скомандовал он.

Перед Лёшкой на лёд одна за другой шлёпнулись великолепные хоккейные рукавицы.

— Вратарских нет, попробуй пока в этих.

— Фотографию бы ему прикрыть... — сказал кто-то.

Лёшка понял: нужна вратарская маска! Да где её взять?

— Ничего, я так...

— Профессионал! Канадец из НХЛ! — похвалил Змей Горыныч. И стремительно помчался к центру поля. — В одни ворота играем, так что смотри!

Шайба металась по площадке как сумасшедшая, и Лёшка не видел ничего, кроме неё.

— Спокойнее! Спокойнее! — время от времени дышал над ухом надёжный защитник Катай. — Не суетись!

Лёшка бросался навстречу шайбе, забыв о боли. Прыгал без щитков, в своём неуклюжем пальто, отбивал шайбу тонкими, не вратарскими крагами.

— А ты ничего! — сказал кто-то из «зелёных» после тренировки.

Домой они возвращались вместе со Змеем Горынычем. Тот тащил мешок с доспехами и одной рукой опирался о Лёшкино плечо.

— Гад он, Портной, понимаешь! — устало говорил Змей.

— Он же твой друг, — несмело возражал Лёшка. — Мало ли что могло случиться...

Впервые в своей жизни он вот так, на равных, разговаривал со взрослым человеком, семиклассником.

— Тоже мне, друг! Дружья разве так поступают?! Знал же, гад, что игра, знал! А на тренировке его нет! Генка сбегал домой к нему — соседи говорят, к бабке укатил на все каникулы! Даже не предупредил!

— Может быть, там с бабушкой что-то?..

— Ха! Утром встанешь на коньки. И чтобы как сегодня! Со временем будешь у нас классным вратарём, это я тебе обещаю! Не таким, как Портной, — дырка и есть дырка!

— А если напропускаю завтра?

— А ты не пропускай! Приодеть вот только тебя надо... Так что приходи пораньше! Подберём что-нибудь...

На следующее утро Лёшка примчался на школьный двор часа за полтора до начала игры. Коньки болтались у него на шее... Страшно хотелось тут же переобуться и выбежать на лёд. Но он знал, что нельзя напрасно тратить силы, которые понадобятся во время игры!

Забор-трибуна был ещё пуст. И Лёшка решил зайти в школу, чтобы не мёрзнуть зря. Да и лёгонькую разминку там можно себе позволить.

Дождаться пришлось долго. И вот наконец!..

Первыми из хоккеистов на школьном дворе появились Змей Горыныч и... Портной! Они неторопливо шли рядом, о чём-то мирно разговаривая. Оба тащили мешки с хоккейным снаряжением.

Лёшка выскочил навстречу.

— Я всегда говорил, что ты не подведёшь! — Змей Горыныч держал сильную руку на плече Портного. — Ты у нас вратарь, ты — скала!

Они прошли мимо Лёшки. Вратарь сборной привык, что все мальчишки смотрят на него разинув рот. Так, как вон тот, толстый. А Змей Лёшку просто не заметил.

Лёшка забрался на своё любимое место на заборе — слева от столба, там ещё скобочка для ног есть. На эту скобу можно и коньки повесить, чтобы не мешали.

Юрка Соболев был уже на месте.

— Ты за кого? — спросил он.

— За наших, — тихо ответил Лёшка.

СОБАКИ НЕ ОШИБАЮТСЯ

У Юры Хлопотова была самая большая и интересная коллекция марок в классе. Ещё бы! Юркин отец исколесил полсвета и отовсюду слал письма.

Хлопотов хвастался, читал вслух:

— «...Пишу из Бомбея, жарко...», «...Пишу из Лондона, туман...», «...Пишу из Сиднея, ветер...»...

Из-за необыкновенной коллекции только и отправился Валерка Снегирёв, человек в общем-то обыкновенный, родители которого и за пределы области выезжали редко, к своему знаменитому однокласснику в гости.

Юркиных папы с мамой дома не было. Сам Хлопотов был занят делом: бросал в цель пластмассовый дротик с присоской на конце. Валеркиному приходу он обрадовался, сразу начал вытаскивать из массивного письменного стола огромные, в толстых кожаных обложках и почему-то пыльные альбомы.

— Вот они, мои марочки... ма-арочки...

Юрка почти пропел это самое «ма-арочки». И в тот же момент, будто откликаясь, прямо над головами мальчишек раздался протяжный и жалобный вой...

— Что это? — тихо спросил Валерка, когда вой оборвался на невысказанно высокой тоскливой ноте.

— Не обращай внимания! — сосредоточенно ворочая альбомы, махнул рукой Юрка. — Собака у соседа. Воет и воет, понимаешь!.. Дядя Володя из квартиры напротив сказал, что прибьёт её когда-нибудь.

— Как это — прибьёт?

— А так. Говорит: выпустят её погулять, а он... Но мы с папой, например, считаем, что к чужим недостаткам терпеливо относиться надо. Конечно, папа с соседом поговорит...

— Почему же она воет?

— Откуда я знаю? Я и в глаза не видел ни собаку, ни соседа. Они всего неделю как переехали.

— Может, голодная?

— Может, и голодная. Снегирь, идея!.. Мы её покормим! Чтобы перестала выть! Значит, так! Проводим разведку: цель — установление, открыта ли форточка у соседа. Затем — операция «Бумеранг»!

— «Бумеранг»?

— Нет, лучше «Томагавк»! Проводим операцию «Томагавк». Мы с тобой набираем кусков хлеба и колбасы, выходим на улицу и забрасываем провиант в открытую форточку!

У Юрки от возбуждения засверкали глаза.

— Форточка-то на девятом этаже, — напомнил ему Валерка. — Не добросить...

— Скучный ты человек, Снегирь! Такой план погубил... Да ладно, что-нибудь придумаем! Давай пока марки смотреть...

— Марки?

— Вот чудак! А зачем же ты пришёл?

— Слушай, может, там что-то случилось? В квартире, где собака...

— Да нет, она каждый день воет. До пяти часов. В пять перестаёт. Мой папа говорит: не умеешь ухаживать — не заводи собак...

— А сейчас сколько?

— Чего — сколько?

— Времени сколько?

— Времени... пятнадцать пятого.

Валерка начал одеваться — торопливо намотал шарф, застегнул пальто. Выскочил на улицу, перевёл дух и стал искать на фасаде дома Юркины окна. Три окошка на девятом этаже, сразу над квартирой Хлопотовых, неуютно темнели.

Валерка, прислонившись плечом к холодному бетону фонарного столба, решил ждать сколько понадобится.

Ждать пришлось недолго.

Крайнее окно тускло засветилось: видимо, включили свет в прихожей...

Дверь открылась сразу, словно Валерку ждали. На пороге стоял... Но Валерка не успел увидеть, кто стоял на пороге.

Откуда-то вдруг выскочил маленький коричневый клубок и, радостно визжа, бросился Валерке под ноги. Валерка почувствовал на своём лице влажные прикосновения тёплого собачьего языка: совсем крошечная собака, а прыгала так высоко! Он протянул руки, подхватил собаку, и она уткнулась ему в шею, часто и преданно дыша.

— Чу-де-са! — раздался густой, сразу заполнивший всё пространство лестничной клетки голос. — Чудеса! Ну и Янка!

Валерка поднял голову. Голос принадлежал невысокому щуплому человеку с бутербродом в руке.

— Ты ко мне? — спросил человек, опуская руку, чтобы бутерброд не очень бросался в глаза. — Странное, понимаешь, дело... Янка с чужими... не особенно. А к тебе — вон как! Заходи.

С собакой на руках Валерка вошёл в квартиру. Всё вокруг было как попало заставлено шкафами, столами, чемоданами.

— Понимаешь, только перебираемся... Жена ещё не приехала, так что извини.

— Я на минутку. — Валерка знал, что так принято говорить у взрослых. — По делу.

— По делу? Слушаю. — Человек стал серьёзным.

— Собака ваша... Яна... Воет целыми днями.

— Так... — Человек из серьёзного сделался грустным. — Мешает, значит. Тебя родители прислали? Из какой квартиры?

— Я сам пришёл... — Валерка заволновался, что его неправильно поняли. — И я не из этого дома, из соседнего!

— Неужели и там слышно?

— Нет, там не слышно! Я просто хотел узнать, почему она воет. Ей плохо, да?

Человек повертел в руках бутерброд, сунул его на какую-то пыльную полку.

— Ты прав, ей плохо. Янка привыкла днём гулять, а я на работе. На работе, понимаешь? Вот приедет жена, и всё будет в порядке. Но собаке ведь не объяснишь! Тоскует она.

— А если я...

Хозяин квартиры смотрел на непрошеного гостя, словно спрашивая: да ты-то здесь при чём?!

— Я прихожу из школы в два часа... Я бы мог гулять с ней после школы!

Человек постоял, раздумывая, а потом вдруг подошёл к пыльной полке, протянул руку — но достал не бутерброд, а маленький английский ключик.

— Держи. Поворачивать вправо.

Пришло время удивляться Валерке.

— Вы что же, любому незнакомому человеку ключ от квартиры доверяете?

— Ох, извини, пожалуйста. — Мужчина протянул руку. — Давай знакомиться! Молчанов Валерий Алексеевич, инженер.

— Снегирёв Валерий, ученик шестого «Б», — с достоинством ответил Валерка.

— Очень приятно! Теперь порядок?

— Порядок. — Валерка спрятал ключ. — Значит, завтра?..

Собаке Яне не хотелось спускаться на пол, она бежала за Валеркой до самой двери.

— Собаки не ошибаются, не ошибаются... — бурчал себе под нос инженер Молчанов.

На лестнице Валерка столкнулся с Юркой Хлопотовым.

— Что, ещё не ушёл?

— Да я из-за собаки. Которая выла...

— А-а... Снегирь, знаешь, что я придумал? Ведь можно ничего не бросать, понял? Можно вылезти на крышу и на верёвке спустить ей всё!

— Она не голодная.

— Не голодная? Я так и знал! Слушай, Снегирь, я давно понял: тут что-то нечисто. Мы должны провести глубокую разведку, всё разузнать. И предотвратить! Должно быть, готовится преступление! А если не успеем предотвратить, то раскроем! Даже интереснее, а?

— Не надо ничего раскрывать. Она просто гулять хочет.

— Откуда знаешь?

— Зашёл и спросил. И гулять с ней буду. С завтрашнего дня.

— Зашёл и спросил? Спроси-ил... — Юркино лицо вдруг сделалось унылым. Он разочарованно махнул рукой: — Эх, скучный ты человек, Снегирь!

МУЗИК

В лётном экипаже Музик появился неожиданно. Произошло это в самом конце 1943 года. Полк штурмовиков Ил-2 отправлялся на фронт; эшелон шёл через маленький уральский городок, где жила девочка Маша со своей мамой; и лейтенанту Бочарникову, Машиному отцу, чудом удалось заскочить домой на полтора часа.

Вместе с отцом пришёл другой лётчик, высокий и очень весёлый молодой парень, старший сержант.

— Леонид, — представил его Машин отец. — Дядя Лёня. Стрелок-радист мой.

— Напросился вот... — смущённо объяснил стрелок-радист. — Отвык совсем от дома, так хоть взглянуть, как другие живут... Так что побегу я уже на вокзал.

— Что вы, что вы! — заволновалась Машина мама.

Отец помог дяде Лёне снять шинель и подтолкнул к столу. Почти в полном молчании они все вместе пили чай, и это были, наверное, лучшие полтора часа за всю войну.

А когда отец с дядей Лёней стали собираться и мама, чтобы не расплакаться, потеплее куталась в платок, Маша убежала на кухню, где под столом была устроена комната для её игрушек. Вернулась она вместе с Музиком.

— Папа, — сказала девочка, — возьми с собой на фронт моего друга! Пожалуйста!

У Музика, старенького плюшевого медведя, были белые глаза-пуговицы и слишком длинные уши, но во всём остальном был он хоть куда.

— Да, Лёня, кажется, ещё ни одна авиация мира не знала летающих медведей, — хотел пошутить отец, но шутка вышла невесёлой.

— А ты-то сама... как без него будешь?

— Разве до кукол теперь, папа? — серьёзно ответила Маша. — Война идёт. Я бы и сама с тобой полетела, но девочек почему-то не берут. А Музик — мальчишка, ему можно! Да и нам с мамой спокойнее будет!

— Не волнуйся, Маша. — Дядя Лёня подхватил Музика левой рукой, правой взял под козырёк. — Зачисляем отважного медведя в наш экипаж. Только летать он будет со мной, «коленками назад», ты не возражаешь? У меня в кабине просторнее, чем у твоего папы!

— Ну как? Не укачивает? — перед каждым вылетом спрашивал Музика дядя Лёня и легонько шлёпал ладонью по туго набитому опилками животу. — А то смотри, приятель...

Музика никогда не укачивало, но дядя Лёня всё равно каждый раз интересовался его самочувствием.

Место плюшевому медведю оборудовали удобное и надёжное — сидел он за левым плечом стрелка-радиста, под прозрачным фонарём из бронестекла.

А однажды случилось вот что...

Фашистские истребители свалились из негустых облаков неожиданно, и хотя «Яки» из боевого охранения сразу же приняли бой, удар был силён и страшен. Один из наших штурмовиков задымил и начал терять высоту, остальные бросились врассыпную, и было это вовсе не проявлением трусости: когда бой ведут истребители, лишние мишени в небе не нужны.

Немцев было больше, и несколько самолётов кинулось вдогонку за «Илами».

Штурмовик, попавший под огонь во время внезапной атаки, почему-то не стал набирать высоту и даже не увеличил скорость. Он шёл, словно ничего не про-

изошло, и фашистский пилот-ас сразу обратил на него внимание.

Если атакованный самолёт продолжает лететь как ни в чём не бывало — это верный признак: что-то у него не в порядке. Добивать такую машину просто и почти безопасно.

«Мессершмитт» легко догнал странную машину. «Ил» шёл ровно, никаких особенных повреждений заметно не было, и фашист решил, что скорее всего пулей задело пилота. Обогнать штурмовик и зайти в лоб он не решился: русский лётчик всё-таки держал машину на курсе, а испытывать на себе пушки и пулемёты «чёрной смерти» асу не хотелось.

Лейтенант Бочарников заметил увязавшийся за ним «мессершмитт». Но он был ранен в шею, левая рука почти не слушалась. И ещё пилот не знал самого страшного: та же пулемётная очередь поразила и стрелка-радиста.

Вражеский истребитель пока крутился вокруг на достаточно безопасном расстоянии, но лейтенант Бочарников точно знал, что будет потом: фашист пристроится в хвост, чуточку выше и сзади — штурмовик надёжно защищён бронёй снизу, сверху же заполненные горючим плоскости может прошить даже пистолетная пуля. Правда, подкрасться к машине с тыла тоже не просто: стрелок-радист, человек, летающий «коленками назад», внимательно следит за всеми, желающими зайти в хвост.

В общем, вся надежда была теперь только на Леонида, старшего сержанта дядю Лёню, высокого и очень весёлого молодого парня.

Задний пулемёт «Ила» торчал в сторону и вверх совсем не грозно и не двинулся, даже когда истребитель подобрался близко. Так близко, что фашист мог бы рассмотреть лицо радиста. Но лица под фонарём не было — ас видел только неподвижный чёрный затылок ткнувшегося головой вперёд человека.

Он не спешил стрелять, немецкий ас, понимая, что добыча от него не уйдёт. Хотел растянуть удовольствие, или ему было приятно сознавать, как в эти минуты смертельный страх стискивает со всех сторон русского лётчика, как сердце его заполняется свинцом бессилия...

— Лёня... Лёня, ну же!.. — мычал в ларингофон Машин отец.

Он должен был понять, что Леонид стрелял бы уже давным-давно, как только истребитель начал свои манёвры. Но раненый пилот потерял чувство времени.

Ас вышел на удобную позицию; промахнуться с такого расстояния было невозможно.

О чём он думал в тот момент, когда собирался стрелять в беззащитную машину, и думал ли о чём-нибудь, теперь уже никто не узнает.

Потому что безжизненный до того ствол пулемёта шевельнулся и фашист вдруг увидел над прицельной планкой мохнатую длинноухую морду с огромными белыми глазами-пуговицами...

Мощный крупнокалиберный пулемёт выплюнул короткую очередь прямо в лицо фашисту. От неожиданности ас нажал на гашетку, но было поздно: заваливаясь на правое крыло, истребитель задымил и камнем пошёл вниз; лишь несколько пуль прошило фонарь «Ила»...

Одна пуля попала Музику в живот, разметала в стороны старые серые опилки.

А потом в уральский городок пришло письмо из госпиталя: «...Был очень жестокий бой. В том бою были тяжело ранены дядя Лёня и Музик...»

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Татьяна Корниенко

ЩЕНОК

У щенка немало дел.
Он сначала завтрак съел,
А потом, прикрывшись лапой,
Разорвал кроссовки папы.

Преподнёс и мне сюрприз:
Туфли новые прогрыз.
После, отдохнув немножко,
Измочалил босоножки.

А теперь он не поймёт,
Что за странный мы народ,
Почему отводим взгляд,
Почему никто не рад?

— Эй, друзья, зачем же злиться?!
Ну, забыл я поделиться,
Грыз один — так это ж шалость!
Там погрызть и вам осталось!!!

СТРАНА ПОД НАЗВАНЬЕМ «ПОТОМ»

Очень странная эта страна —
Ни на карте она не видна,
Не дойти, не доехать туда
Никому, ни за что, никогда.

Там котят и щеночков живёт
Миллион самых разных пород.
Хомячков, попугаев не счесть.
Даже пони и слоники есть.

Там скучают в огромной витрине
Куклы Барби, Алёны, Ирины,
Скейты, ролики, тонна конфет
И, конечно же, велосипед.

Вот какое волшебное место!
А названье его вам известно?
Если нет, мы сейчас же должны
Разобраться с названьем страны

И узнать, что за слово упрямо
Нам твердят наши папы и мамы.
Наступает особый момент —
Начинается эксперимент.

Маме мы улыбаемся мило,
Просим, чтобы собачку купила
И пустила котёночка в дом.
Что в ответ слышим?

Верно — «Потом»!

ЗАЧЕМ ХОТЕТЬ СЛОНА

Знаю я один закон:
Мам и пап пугает слон.
Так что можно не просить
Папу слоника купить.

Нет надежды и на мам.
Нужен слон — решай всё сам!
Первым делом, верь не верь,
Нужно снять входную дверь!

А потом друзьям отдать
Пианино, стол, кровать,
Шкаф и полочки для книг
(Несмотря на мамин крик).

Успокоится она —
Что ж, тогда тащи слона
И живи с ним сотню лет,
И готовь ему обед

Из полтонны овощей,
Трёх тазов травы и щей,
А потом такой же ужин...
— Сто-о-ой!! Мне больше слон не нужен...

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Волшебная палочка — нужный предмет.
Как жаль, что вправду такой в мире нет.
А вот появилась бы — тут же людей
Я сделал добрей и чуть-чуть веселей.

И жили бы люди без всякого зла.
Эх, если бы палочка только была!
Да, палочки нет, но зато есть слова.
Мы сами всё сделаем! Без волшебства!

ЗНАМЕНИТЫЙ АРТИСТ

Прогуливаясь по лесу, Волк вдруг заметил, что звери и птицы куда-то подевались.

«Где все? — забеспокоился он. — Неужели я чего-то не знаю?»

Он ещё немного поплутал по лесу, заглядывая за каждое дерево, под каждый куст — не обнаружится ли кто. И наконец услышал трели Соловья. Волк поспешил на голос пернатого певца и вышел к большой поляне.

Серый осторожно раздвинул кусты и увидел сразу всех. В центре, на пне стоял наряженный во фрак Соловей. Перед ним в несколько рядов расположились лесные жители. Они с увлечением внимали соловьиным трелям.

«Ага, вот вы где! Концерт слушаете!» Волк понаблюдал немного, как зрители хлопают в ладоши, как бросают к ногам Соловья цветы, и проворчал:

— Тоже мне — певец! Трещит, как деревянная трещотка, а туда же... Цветы ему... аплодисменты... Да я не хуже его петь умею!

Поднял Волк морду к небу, закрыл глаза и громко, как только мог, завёл, вернее, завыл свою ночную песню.

От страха зрители разбежались кто куда. Когда Волк окончил пение и осмотрелся, то не обнаружил на поляне ни одной живой души.

— Э-э! А где аплодисменты? Цветы? Где все? — удивился Волк.

— А они по домам разошлись, — прячась за деревом, объяснил Заяц.

— Почему по домам? — спросил Волк. — Я что, хуже Соловья пою?

— Может, и не хуже, но звери привыкли: раз Волк поёт — ночь на дворе, пора спать. Вот и побежали укладываться.

— Значит, на мои концерты никто ходить не будет?

— Смотря на какие. Например, на такие, как в Уголке Дурова... — и Заяц вышел к Волку.

— Это на барабане, что ли, играть? Это я могу! — и Волк выбил на пне косолапую дробь.

— Можно и на барабане. Но лучше показывать какие-нибудь цирковые номера. Пожонглировать, к примеру, шишками...

— Я не умею, — расстроился Волк.

— А, ерунда! Могу научить.

— Научи, а?

— Без проблем! Только, чур, я — продюсер! И ты должен мне во всём подчиняться!

— Кто ты? Про... про...

— Про-дю-сер. Это тот, кто ищет таланты, организует концерты, достаёт реквизит, наконец...

— Ну, если достаёт реквизит, то я согласен! Будь продюсером. Талант ты уже нашёл. Это — я! — и Волк заулыбался, предвидя море оваций и гору цветов. — Ну, иди, добывай свой реквизит.

Заяц набрал еловых шишек, свернул один ивовый прут в кольцо, а из другого хлыст сделал.

— А прут зачем? — покосился на хлыст Волк.

— Это не просто прут, а приспособление для передачи нужных команд. Так у всех настоящих артистов цирка заведено.

— У настоящих, говоришь? Ну, тогда ладно.

И они приступили к репетициям.

Через неделю лесные жители увидели на Совином дубе афишу:

Спешите видеть!

*Сегодня в три часа на поляне
выступает знаменитый артист Заяц
со своим дрессированным Волком.*

Вход платный: с каждого носа по одному овощу!

Продюсер

Сорока моментально разнесла новость по всему лесу, и к назначенному времени зрителей собралась полная поляна, а возле дуба выросла целая грудка принесённых овощей. Волк в волнении выглядывал из кустов и всё спрашивал Зайца:

— Это на моё выступление столько народу собралось?

— На твоё, на твоё, — уверял Заяц, поправляя галстук-бабочку.

— А чего это они овощи под дубом складывают?

— Чтобы лапы были свободными. Так хлопать удобнее, — объяснил Заяц и вышел в центр круга.

Он поклонился зрителям, взмахнул кнутом, и представление началось!

Волк беспрекословно повиновался щелчкам заячьего хлыста: жонглировал шишками, ходил на передних лапах, крутил на талии обруч. А главным номером стали его прыжки с пенька на пенёк через этот самый обруч.

Зрители были в восторге. Каждый номер сопровождался аплодисментами и криками «браво», а по окончании и вовсе понеслось: «Слава великому укротителю!», «Зайцу — слава!», «Да здравствует Заяц! Качать его!»

Волк сначала не прислушивался к выкрикам. Его оглушили бурные овации, которые он принимал на свой счёт. Но когда благодарные зрители оттеснили его в сторону и стали качать Зайца, Волк озадаченно отступил к дубу.

— Чего это они? Зайца-то они чего? — недоумевал клыкастый.

В задумчивости он обошёл дуб и упёрся взглядом в афишу. На ней чётко было написано: «Знаменитый артист Заяц со своим дрессированным Волком».

— Кто знаменитый артист? Заяц? — опешил Волк. — Он же мой продюсер! А кто дрессированный Волк? Это я, что ли, дрессированный?! Это что же такое получается? Он — артист! А я? — и с диким рыком Волк выскочил на поляну.

Таким разъярённым его никто ещё не видел. И зрители кинулись врассыпную. Волк сообразил, что один он всех догнать не сможет, поэтому подбежал к груде овощей, и вслед удирающим понеслись со свистом овощные снаряды.

— Я покажу вам — дрессированный! — ревел Волк.

Вскоре он выдохся, да и поле боя давно опустело. Серый присел под дубом и всхлипнул:

— Вот так всегда. Артист старается, работает, а всё достаётся продюсеру. Всё?! — вострепнулся он. — А вот и фигу!!! Вот это — всё моё!!! — Волк сгрёб в охапку оставшиеся овощи и побрёл домой.

«А всё-таки я — молодец! — думал он. — Вон чему выучился: и жонглировать могу, и — гимнастом! Да любой Уголок Дурова меня с лапами оторвёт! И никакие продюсеры мне не нужны! Реквизит я и сам раздобыть сумею!»

ВСЁ ДЕЛО В СОЛИ!

Волк с утра прислушивался, как урчит его желудок. Он уже выпил ведро воды, но голод не отпускал. Надо было срочно чем-нибудь подкрепиться. Но в доме у Волка — хоть шаром покати. Хотя нет.

Голодный Волчий взгляд наконец наткнулся на кучу овощей. Ну да, тех самых, что притащили зрители на их с Зайцем представление, а он, Волк, справедливо забрал себе.

Волк схватил кочан капусты и вонзил в него острые зубы. Кочан был крупный, крепкий, налитой. Волчьи зубы погрузились в него по самые дёсны и... намертво застряли в твёрдых листьях. Еле вырвался Волк из капустного плена. Даже пришлось пустить в ход задние лапы.

Побегал сердитый Волк по дому и вновь к овощам вернулся. Покатал по столу морковку, пожонглировал картошкой и решил сварить себе суп.

Он поставил на плиту огромный котёл, нарезал овощи соломкой и бросил в кипящую воду. Вскоре по дому разлился аромат щей. Волк потирал от радости лапы: вот сейчас он наконец-то будет сыт. Серый зачерпнул половником приличную порцию супа, отправил в рот и тут же выплюнул.

— Гадость! — сделал он вывод. — И как его зайцы едят?.. Зайцы? Эх, вот если бы в этот суп добавить зайчатинки... — размышлял Волк. — Отличный бы обед получился!

И тут его осенило:

— Позову-ка я Зайца на обед. Мол, приходи мириться. Вот зайчатина сама ко мне и пожалует! — и облизнулся.

Побежал Волк в лес, разыскал Зайца и говорит:

— Приглашаю тебя на званый обед.

— На какой обед? — уточнил Заяц.

— На званый. Ну, на тот, на который зовут, — объяснил Волк. — Придёшь?

— А чем угощать будешь? — поинтересовался ушастый.

— Щами. Я щи сварил. Вку-у-у-сные-е-е!

— Тогда приду, — пообещал Заяц.

— Ну, я пошёл тарелки расставлять.

Накрывать на стол Волк не собирался. Он решил подкараулить Зайца за дверью, накинуть на него простыню, а дальше...

По пути к Волку Зайцу повстречался Медведь.

— Куда скачешь такой радостный? — любопытствовал косолапый.

— К Волку. Он сегодня устраивает званый обед!

— Ого! — обрадовался Медведь. — Он всех зовёт?

— Всех.

— Тогда и я с тобой.

Про званый волчий обед услышала Сорока. Она всегда подслушивает. А иначе откуда новостям взяться? Ну, и разнесла эту весть по всему лесу.

Потянулись лесные жители к дому Волка. Первыми, конечно, Медведь и Заяц пожаловали. Вошли в дом, а Волк из-за двери как выскочит! Как набросит простыню! Только впереди Медведь шёл! А Заяц — следом.

Скинул Медведь с себя простыню да как зарычит:

— Вот ты как гостей встречаешь, серый!

Не ожидал Волк Медведя увидеть, испугался. Стал срочно выкручиваться:

— Это я, Мишенька, тебе салфеточку подвязать хотел, чтобы ты супчиком шёлковую шёрстку не запачкал.

— Тогда ладно, — одобрил Медведь и уселся за стол с простынёй на брюхе. — А тарелки-то где?

Пришлось Волку, как официанту, Медведя и Зайца обслуживать. Ох, и разозлился он: «Ну, я сейчас вам устрою! Век мой суп помнить будете!» Схватил банку с солью и высыпал всю в котёл. Размешал как следует и разлил варево по тарелкам.

— Ешьте, гости дорогие, — а сам ухмыляется.

Съел Заяц свою порцию, посмотрел на Медведя и спрашивает:

— Как тебе, Мишенька, Волченькин суп?

— Я ещё не распробовал, — отвечает Медведь, а сам щипает за обе щеки уплетает.

— Вот и я не распробовал. А ну-ка, Волк, налей-ка нам с Мишей ещё по тарелочке.

Тут и другие гости приходить стали. Полным-полно их в дом набилось. Волк знай мечется от плиты к столу и обратно. Совсем забегался, устал, чуть не плачет. Да и голод живот сводит. А гости всё едят да нахваливают, добавки просят.

Смотрит Волк, супа совсем мало в котле осталось. Наполнил он себе тарелку и давай заново суп пробовать. Вмиг всё умял и тарелку вылизал.

— Ну и суп у меня получился! — восхитился он. — Оказывается, всё дело в соли, а не в зайчатине! Я теперь каждый день такие щи варить буду!

С тех пор Волк перешёл на овощную диету!

РУЖЬЁ

Волк нашёл в малиннике ружьё. Чего его занесло в медвежьей угодья, он и сам не знал. Только видит — лежит. Долго Волк боялся к ружью прикоснуться — вдруг стрельнёт, но всё же решился, взял.

Серый в оружии не разобрался, а то сразу бы понял, что ружьё не настоящее, а детская игрушка. Видать, дачники по малину приходили, вот их дети его и потеряли.

Взял Волк в лапы ружьё и сразу себя человеком почувствовал. Ну, не в буквальном, конечно, смысле, а только в клыкастого какая-то уверенность вселилась. Он вдруг ощутил себя хозяином леса! Вскинул ружьё на плечо и домой потопал.

Мимо летела Сорока, Волк позвал её:

— Эй, белобокая! Смотри, что у меня есть! Ружьё! Я теперь — царь зверей в этом лесу! Так что лети и оповести всех, чтобы шли к моей избушке. Я приказы отдавать буду!

Сорока от этой новости растерялась: как рот открыла, так и закрыть не смогла, не то что задавать царю зверей вопросы. Так и сидела, пока Волк из виду не скрылся. Это уж потом её прорвало.

Лежит Волк под кустом возле своей избушки, ждёт. Первым осторожный Ёжик пожаловал.

— Сорока сказала, что ты теперь наш царь, — робко начал колючий.

— Видишь ружьё? — показал Волк свою находку. — Теперь мне служить будешь!

— А чего делать надо? — заволновался Ёжик.

— Для начала почеси мне пятки, — и вытянул задние лапы так, чтобы Ёжику удобно было.

Звери послушаться Волка не посмели: страшно — ружьё всё-таки. Постепенно возле избушки серого собрались все. Только Сова не было — она днём спит, да Медведь не пришёл — такую новость Сорока передать ему не рискнула.

Каждому пришедшему Волк ружьё показывал и спрашивал: «Видишь?» — а после приказания давал. Работа возле царя нашлась всем: кто шерсть ему расчёсывал, кто воду подавал, Заяц, к примеру, лопушиным опахалом мух от царственной особы отгонял. А Волк лежал на травке в теньке и размышлял, что ему как царю кроме подданных, ещё нужно.

Сорока при царе советником пристроилась.

— Вот скажи, — допытывался у неё Волк, — я ведь царь?

— Ну, царь, — неуверенно ответила белобокая.

— Почему «ну»? — удивился Волк. — Царство у меня есть? — и он указал на лес.

— Есть, — согласилась Сорока.

— Подданные есть?

— Есть, — кивнула стрекотуха.

— А ты говоришь — «ну, царь».

— У тебя казны нет, — заметила Сорока. — А без казны ты не царь, а «ну, царь».

— А казна — это что? — привстал на локте Волк.

— Богатства разные, накопления, полные закрома...

— Про закрома ты вовремя вспомнила! Мы их сейчас мигом наполним. Трещи указ: «Всем подданным срочно наполнить мою кладовку съестными припасами!»

Заяц отбросил в сторону опахало и собрался бежать.

— Ты куда? — остановил его клыкастый.

— Ты, Волченька, небось кушать хочешь? — прищурился длинноухий.

— Хочу, — откликнулся серый.

— Ну, так я за капусткой сбегаяю? Щец наварим...

— А-а, ну, беги, беги. Только не сильно задерживайся!

Заяц забежал за кусты, дождался Ёжика и говорит:

— Это что же такое получается? Были мы свободными, сами себе хозяевами, и нате вам, здрасте, — царь объявился! Да не какой-нибудь настоящий, а наш собственный лесной самозванец! Не-е-ет, я этого не переживу!

— Что делать, — вздохнул Ёжик, — с ним не поспоришь — у него ружьё.

— Я знаю, что делать! — воскликнул Заяц. — Надо настоящего царя зверей позвать — льва. Пусть с самозванцем разберётся!

— Э-э, — понурился Ёжик. — Лев в Африке, а мы здесь. Пока он к нам доберётся, Волк совсем обнаглеет!

— Можно позвать Льва из Уголка Дурова, — нашёлся Заяц.

— Это гораздо ближе, — рассудил колючий. — А он ружья не испугается?

— Знаешь, Ёжик, если тебя послушать, так всю жизнь у Волка на побегушках придётся быть! — рассердился косой. — Не нужен нам никакой Лев! Я сам царём зверей стану!

— Ты? Царём? — опешил Ёжик. — И ружьё у Волка отберёшь?

— Там посмотрим, — ухмыльнулся Заяц. — Я кое-что придумал!

Заяц и Ёжик надрали лыка. Из одной части сплели длинный хвост с кисточкой и привязали к короткому заячьему. Из другой — соорудили что-то наподобие косматого парика и нахлобучили Заяцу на голову. Лев не лев, но какое-то его подобие у них получилось. Затем нашли похожий на кресло пень. Заяц развалился в нём, как царственная особа на троне, и потребовал:

— Ну, всё, Ёжик, иди к Волку. Скажи, мол, царь зверей Лев в лес пожаловал и всех к себе созывает.

Волк, как только услышал про льва, подхватил ружьё и побежал за Ёжиком. Вот стоит он перед переодетым Зайцем, а тот его отчитывает:

— Дошли до меня слухи, серый, что ты царём себя здесь назначил?

— Какие слухи? — испугался Волк. — Это Сорока, что ли, на хвосте принесла? И когда только успела в Африку смотаться?! Так ты ей не верь! Врёт она всё! — решил свалить на стрекотуху клыкастый, а сам царя рассматривает.

— А что это у тебя такое за спиной? — спросил «лев».

— А это так, пустяк, палка.

— Дай посмотреть.

Волк глянул с подозрением на лже-царя и спрашивает:

— А чего это ты моим имуществом интересуешься? Да и странный ты какой-то: голос тонкий, вроде Заячий... Сам ты серый, а грива жёлтая... Да и уши... Такие уши я только у Зайца и видел!

— А я эта... как его... родственник Зайца... по материнской линии... — нашёлся косой.

— Родственник, говоришь?

Волк протянул льву ружьё, будто хочет отдать, а сам хватить льва за гриву! Но и Заяц не из простаков оказался. Дёрг на себя ружьё! Волк посмотрел на парик в своих лапах, потом — на Зайца с ружьём. Снова — на парик, опять — на Зайца.

— Обману-у-ули! — взревел он.

— А ну, прочь отсюда! А то как стрельну! — пригрозил Заяц.

Повернулся Волк и домой пошёл. А сам чуть не плачет — больно уж понравилось ему быть царём, да и ружьё жалко.

А вечером к нему Заяц пришёл. Постучал в окно и говорит:

— На вот тебе твою игрушку, — и положил ружьё на крыльцо. — Им даже ворон не напугаешь — не настоящее! — И побежал к Ёжику, чай пить.

ПО СЛЕДАМ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО*

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Новый этап жизни Василия Ерошенко после его отъезда из Туркмении начался с печального происшествия. По дороге в Обуховку в поезде воры под видом проверки документов и багажа забрали у него два чемодана, где были подарки для родственников, деньги и документы. Чемоданы ему вернули и ещё помогли поставить их на место. Позже, когда ему понадобилось открыть один из чемоданов, там оказались кирпичи, в другом — тоже. Подобное с Василием Ерошенко случалось и раньше. Однажды, ещё до войны он вёз в Обуховку бидон с мёдом. При высадке из вагона кто-то ему «помог», и бидон исчез.

Проведя лето в Обуховке, Ерошенко направляется в Москву. Это время вспоминает З.И. Шамина: «Моя встреча с Ерошенко в 1945 году была трогательной и очень горячей: мы во время войны даже не переписывались. Ведь письма по Брайлю были запрещены, так как в органах цензуры не было соответствующих специалистов. Об этом официально объявлялось в газетах...»

В Москве на него свалились новая проблема: ни прописки, ни жилья у него не было. Уезжая из столицы ещё в 1935 году, он в свою комнатуху, где жил с 1908 года, пустил временно пожить незрячих молодожёнов. Да и какая это «квартира»? Просто конура! Комнатуха с дверью прямо на улицу, всего в четыре с половиной

*Окончание. Начало читайте в № 10 за 2016 г.

квадратных метра!.. Откидной стол на одной стене и откидная кровать на другой. А чтобы дать ночлег приехавшему гостю, Ерошенко соорудил ещё и полати под потолком. Конечно, никаких удобств! Но теперь у него не было и такого жилья.

Уступая свою комнату молодым супругам, Василий Яковлевич считал нетактичным ставить условия и выговаривать какие-то права на эту жилплощадь. Зато те не страдали от избытка такта. В 1940 году они обменяли квартиру на большую, в комнатухе поселились новые хозяева. Первые ночи в Москве Ерошенко провёл на вокзале. Потом его взяли к себе друзья, но прописать его в Москве так и не смогли.

Василию Яковлевичу пришлось искать работу и жильё в Подмосковье. Его взяли на работу в Загорскую музыкальную школу-интернат для военноослепших. (Школа была создана в октябре 1944 года и существовала до 1951 года.) Учащиеся, жившие на полном государственном обеспечении, учились по программе музыкального училища. В этой школе Ерошенко провёл только один учебный год, преподавал брайлевскую грамоту, русский язык и литературу. З.И. Шамина сообщила мне, что эта школа была не в самом Загорске (ныне Сергиев Посад), а в каком-то бывшем монастыре недалеко от деревни Коляевка.

И я направляюсь туда, нахожу монастырь, но там расположена воинская часть. А через овраг — другой монастырь и тоже с высокими стенами из красного кирпича. Это и есть Черниговский монастырь, где когда-то существовала школа для военноослепших, а теперь там профессионально-техническое училище-интернат. Директор ничего не знал о Ерошенко, он работал здесь недавно. Но он позвал Марию Никифоровну Зарубину, рабо-

тавшую здесь уже двадцать шесть лет заведующей фельдшерским пунктом. Она вспомнила Ерошенко! Сказала много тёплых слов о нём. Вспомнила, как он чудесно ориентировался: ходил один из Загорска сюда пешком через шаткий мостик, как никто из слепых. А её муж, Б.И. Зарубин, сам из военноослепших, учился в этой школе в 1946 году. Он рассказал, что Василий Ерошенко приезжал сюда частенько и потом: ведь он был здесь прописан, здесь у него появились новые друзья.

Б.И. Зарубин хорошо запомнил концерт в школе в октябре 1947 года: Василий Яковлевич выступал на этом концерте, читал былинку А.К. Толстого «Садко». Как он декламировал! После этого в школе его стали называть наш Садко!

Следующим этапом моих поисков была Московская школа-интернат для слепых и слабовидящих детей, приемница того приюта, где в начале XX века учился сам Василий Ерошенко. С 1927 по 1948 год школа носила громкое название «Московский институт слепых детей». Здание института на Первой Мещанской во время войны заняла для своих нужд военная комендатура, а институт был эвакуирован далеко от Москвы.

Попал Ерошенко в московскую школу в 1946 году, когда она только восстанавливалась после войны и сначала ютилась в совсем не приспособленном и убогом здании в Марьиной Роще, а потом в Сокольниках. Василий Яковлевич в этой школе был преподавателем английского языка. Жилья в Москве у него по-прежнему не было, хлопоты о московской прописке отнимали у него много времени и сил, но результатов не приносили. Ночевал он то у знакомых, то на диване в учительской.

По воспоминаниям его учеников В.Г. Першина, В.А. Глебова и других, Ерошенко часто проводил вместе с ними

свободное время в Сокольническом парке, а летом купался с ними в Оленьем пруду, удивляя всех своим умением нырять и долго оставаться под водой. Вспоминают они и о том, что слишком злоупотребляли отсутствием у него строгости и казённости на уроках и вели себя довольно шумно и свободно. Этим было недовольно школьное руководство, доставалось ему и за его особую методику обучения английскому языку. Вместо зубрёжки грамматических правил и чтения и перевода текстов он больше времени уделял на уроках разговорному языку, обращая внимание на правильное произношение и интонацию. В дальнейшем, когда многие его воспитанники учились в высших учебных заведениях, они удивляли преподавателей своим хорошим английским и тем, как легко они преодолевали языковой барьер. Ученики Василия Яковлевича вспоминают и сейчас его уроки с большой благодарностью.

К сожалению, свой талант педагога-новатора Ерошенко не смог до конца воплотить в своей практической деятельности, его методикой преподавания никто не интересовался, к тому же у него не было никакого официального документа о соответствующем образовании, не было диплома учителя.

Как вспоминает З.И. Шамина, он «не пришёлся ко двору» в московской школе и в 1948 году вынужден был из неё уйти, проработав там только два учебных года. В этом же году Ерошенко принял участие в республиканском съезде слепых Узбекистана. Потом проведаль некоторых своих бывших кушкинских воспитанников, побывал в Ашхабаде и других местах. А вернувшись в Москву, продолжал хлопоты о жилплощади и прописке.

В феврале 1949 года прописку он наконец получил, правда, только временную и только на шесть месяцев.

Некоторые московские друзья Ерошенко считают, что причиной этому был его отказ от сотрудничества с органами госбезопасности. Ему предлагали быть осведомителем: мол, будешь находиться в гостинице «Москва», слушать беседы и телефонные разговоры иностранцев и сообщать нам. Взвесив все обстоятельства, он был вынужден снова покинуть Москву. В апреле он уехал сначала в Обуховку, а поздней осенью — в Ташкент, на столь им любимый юг.

С декабря 1949 по июль 1951 года он работает учителем в школе ликбеза слепых. Подробностей о его жизни в течение этих полутора лет мне найти не удалось. С наступлением лета 1951 года у Ерошенко созрело желание снова побывать на дальнем Севере, отдохнуть от изнурительной среднеазиатской жары. И ещё одна мысль не давала ему покоя — это судьба младшего брата Ивана. О нём сёстры предпочитали не говорить. Сказали лишь, что он был судим и осуждён на пять лет за спекуляцию, освобожден досрочно и остался жить где-то на Севере. Вполне возможно, что у Василия Яковлевича было желание найти брата. Так созрел план поездки в Якутию.

Об этой поездке в книгах и статьях о жизни Ерошенко имеются только очень краткие упоминания, да и то не всегда достоверные. А.С. Харьковский в своей книге «Человек, увидевший мир» пишет: «В 1951 году — новое путешествие, на этот раз по Якутии. У него была идея — поселиться там в колонии для прокажённых, остаток своих дней посвятить этим несчастным. Однако болезнь помешала осуществлению этих планов. Ерошенко мучили сильные боли в желудке». Здесь всё верно, за исключением последних строк о причине, не позволившей Ерошенко остаться в Якутии.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Труд слепых» (1961, № 7), бывшая ученица Ерошенко по школе в Кушке Зинаида Токаева пишет: «Последний раз мы встретились в Ташкенте, где он преподавал в вечерней школе для слепых. В июне 1951 года Василий Яковлевич брал билет на поезд куда-то в Сибирь, а я уехала на Украину». Здесь, видимо, память мемуаристки немного подвела. Существует официальный документ, датированный 7 июля 1951 года, утверждающий, что Ерошенко в то время ещё работал в школе ликбеза. Скорее всего, он в июле взял только отпуск. А после поездки в Якутск вернулся сразу в Ташкент на работу.

Сестра Ерошенко Мария Яковлевна в своих воспоминаниях, опубликованных в первом вышедшем на русском языке сборнике произведений Василия Ерошенко «Сердце орла», пишет: «Уже больным человеком поехал в Якутию, чтобы послушать, как он говорил, звуки тундры. Там он жил среди лесорубов, охотников, пастухов оленей». Здесь всё переполнено неточностями. Даже фамилия мемуаристки искажена. К фактам, изложенным в её воспоминаниях, следует относиться с осторожностью, она часто ошибается, например, поездку Ерошенко на Чукотку она связывает с челюскинской эпопеей. А Ерошенко был на Чукотке за четыре года до этого знаменательного события.

При встрече с автором этих строк о цели поездки в Якутию Мария Яковлевна говорила, что ему хотелось послушать тайгу и узнать её. Её зять Дмитрий Фёдорович Сидоренко об этом вспоминал более подробно: «Василий Яковлевич видел тайгу по-своему. Рассказывал больше о звуках, шуме ветвей и листьев, столах деревьев. А какая, мол, трава и огромные красивые цветы! Но

они без запаха... И так он рассказывал восхищённо, говорил, что, только побывав в тайге, он теперь узнал всё величие, огромность и красоту Родины!»

Итак, в воспоминаниях Марии Яковлевны слово «тундра» явно надо заменить «тайгой». Даже замечание о болезни под вопросом, так как он ехал туда в надежде на устройство новой жизни. Свою роковую болезнь Ерошенко почувствовал только в конце 1951 года. Узнал же о ней окончательно только летом 1952 года. В уже упомянутой справке Ташкентского областного отдела общества слепых от 7 июля 1951 года указано, что эта справка дана для получения пенсии. Вполне можно предположить, что Ерошенко в этот же день взял «билет на поезд куда-то в Сибирь» и на другой день утром отправился в путешествие. «Куда-то» расшифровывается просто: это конечная станция Усть-Кут на ветке Транссибирской магистрали, отходящей от Тайшета.

На этой конечной станции (от неё сейчас начинается БАМ) имеется крупный речной порт Осетрово. От него вниз по Лене идут пароходы. Возможно, и в 1951 году существовал, как и сейчас, удобный поезд Ташкент — Иркутск, который и доставил Ерошенко через трое суток с небольшим до станции Тайшет, где он сделал пересадку на поезд до Усть-Кута. Это ещё 723 километра или около шестнадцати часов езды. Столько же времени (четверо суток) пароход шёл от Осетрово до Якутска, куда Василий Яковлевич, вероятно, числа 15 или 16 июля и прибыл. После поездки по железной дороге в бесконечной тряске, духоте, тесноте, толкотне и шуме наступил по-настоящему чудесный отдых на пароходе. Тишина и наслаждение чистым воздухом, запахами бесконечной тайги, плеском речной волны — всё это было так

непривычно и чудесно за последнее десятилетие трудной жизни. К этому надо прибавить вероятные рассказы спутников о красоте безлюдных диких берегов величественной реки, о знаменитых Ленских столбах и редких населённых пунктах.

Рассказ о пребывании Василия Яковлевича Ерошенко в Якутске можно продолжить по воспоминаниям очевидцев. Беседа при встрече с якутами Прокопием Петровичем Романовым и Афанасием Дмитриевичем Старостиным в Кисловодске в 1971 году, а также письменные воспоминания Г.А. Слепцова и Н.М. Эверестова дают довольно полную картину пребывания Ерошенко в Якутске.

Утром, прямо с парохода, с рюкзаком за плечами Василий Яковлевич направляется в местную организацию Всероссийского общества слепых с письмом к Гавриилу Алексеевичу Слепцову, который в то время заведовал красным уголком ВОС. Ерошенко представился ему журналистом, сотрудником журнала «Жизнь слепых» и любителем путешествовать. Для Г.А. Слепцова знакомство оказалось интересным, и они быстро подружились. Узнав, что Ерошенко хотел бы поработать здесь в школе слепых учителем английского языка и что он является редактором учебника по этому предмету для 4 — 5 классов, Г.А. Слепцов был удивлён. Когда Ерошенко ушёл, он перевернул всю восовскую библиотеку, чтобы найти этот учебник. И нашёл!

После короткого отдыха Василий Яковлевич отправился знакомиться с городом. Якутск того времени был сравнительно небольшим. Застроен был почти исключительно деревянными домами, тротуары были дощатые, а улицы были вымощены торцами чурок. Не было тогда в городе и ни одного деревца...

И всё же, вернувшись вечером, Ерошенко похвалил город: для слепых он весьма удобен. Его кварталы расположены в шахматном порядке, не заблудишься. Г.А. Слепцов вспоминает, что вечером опять у них были «разговоры о жизни, быте, нравах. А на другой день мы вместе ходили на городской рынок. Покупали голубику и тут же пробовали её. Гостю всё нравилось, хвалил нашу нежную, сладкую, как виноград, ягоду».

На третий день пребывания в Якутске Ерошенко отправляется в школу-интернат для слепых детей. Находилась она тогда довольно далеко от города: на другом берегу Лены в селе Долдинцы. Здесь Ерошенко пробыл пять дней. Директором школы тогда был Алексей Матвеевич Балкаев, который организовал общество слепых в Якутске в 1932 году.

В просьбе о работе в школе в качестве так необходимого здесь учителя английского языка Ерошенко отказали. Видимо, ничто не могло уломать закалённого бюрократа: ни справка о работе в московской школе, ни привезённый экземпляр учебника английского языка, ни пятидневное дружеское общение с воспитанниками здешней школы. Причина одна: у Ерошенко не было диплома учителя средней школы. В 1922 году это не помешало ему стать профессором Пекинского университета! Но в далёкой Якутии всё дело упёрлось в чистую формальность, в бумажку.

Тогдашние воспитанники Якутской школы слепых вспоминают, как им полюбился необыкновенный приезжий. Ерошенко играл с ними в шахматы и ходил на экскурсии по окрестностям. Так, Прокопий Петрович Романов, которому в то время было пятнадцать лет, вспоминает, что сыграл с ним две партии в шахматы и

обе проиграл. И ещё П.П. Романову запомнился великодушный поступок Ерошенко. Мальчику выдали тесноватые ботинки. Василий Яковлевич продал их на базаре и купил там другие, посвободнее. И всё-таки они натёрли ногу, он не мог отправиться со всеми на экскурсию, чем был очень огорчён. Видя это, Василий Яковлевич достал из своего рюкзака лёгкие сандалии и отдал их мальчику. Сандалии оказались впору и как раз по сезону, чему парень был очень рад.

Вернувшись в Якутск, Ерошенко пробыл в городе ещё три дня. Вместе с Г.А. Слепцовым они ходили в Минздрав Якутии. Василий Яковлевич интересовался закрытым лечебным учреждением, больницей-лепрозорием, находившимся тогда в Вилюйске. Но никаких сведений ему не дали: якобы их не оказалось. А скорее всего они были «секретными», как всё в то время. Поехать в Вилюйск для Ерошенко было весьма сложно. Ведь это почти 600 километров по Вилюйскому тракту на попутном транспорте! Вполне возможно, что Василий Яковлевич хотел помогать больным проказой и предлагал свою помощь в качестве воспитателя или «брата милосердия», но безуспешно. Точных сведений об этом не имеется. Г.А. Слепцов заканчивает свои воспоминания тёплыми словами о Ерошенко, оставившего о себе приятную и светлую память как о простом и отзывчивом человеке.

Николай Максимович Эверестов вспоминает, что Ерошенко подробно ознакомился с 20-летней историей жизни общества слепых Якутии, а также с историей Якутской АССР, якутским языком и национальной литературой. Важно, что Н.М. Эверестов указывает точную дату отъезда Ерошенко из Якутска — 27 июля 1951 года. Вполне ве-

роятно, Василием Яковлевичем была описана жизнь слепых в Якутии, но точных сведений об этом нет, публикаций о Якутии в журнале «Жизнь слепых» не появлялось.

Те десять дней, которые провёл Ерошенко в Якутске, были очень малым отрезком его удивительной жизни. Только случайные обстоятельства помешали связям неординарного человека с далёким экзотическим краем — Якутией. Следов же брата Ивана Василий Ерошенко, видимо, не обнаружил. Во всяком случае, об этом нигде и никто не упоминал. Дальнейший путь Ерошенко привёл его опять к друзьям в Москву. Здесь он почувствовал себя неважно.

Боли в желудке заставили его обратиться к врачам, и он услышал слово «канцер» (рак). В то время такой диагноз больным не сообщали, а врач не знал, что пациент знаком с латинским языком. Василий Яковлевич понял, что дни его сочтены. Новый 1952 год он встречал в кругу близких друзей на квартире З.И. Шаминой. Это был последний в его жизни праздник. Вскоре после этого Василий Яковлевич уехал в Старый Оскол и остановился у родственников. Из его писем к своим ученикам в Туркмению мы знаем, что в феврале он был ещё в Старом Осколе: «Все эти дни я хотел прорваться к себе в Обуховку, но машины не ходят: то метель, то оттепель, то морозы...»

Добравшись наконец до Обуховки, он был совершенно спокоен и не боялся смерти. По словам Веры Ивановны Сердюковой, Василий Яковлевич просил её не плакать и говорил: «Я очень рад, что умираю. Я устал от напряжённой жизни, всегда осторожность требуется...»

Паники у него не было, были только планы о работе и ещё заботы о пенсии. Побывав в Обуховке, он проводит сестёр. В марте едет к Марии. В письме пишет:

«С седьмого по тринадцатое я жил в Харькове у профессора (муж Марии. — А.П.), но не нравится профессорский образ жизни. Я с радостью уехал оттуда».

Затем он отправился в посёлок Холодная Балка к Неониле. Из другого письма: «Здесь день и ночь гудит шахтёрский вентилятор, и, кажется, шахта стонет, пахнет углём, и хочется открыть дверь или окно. Здесь я жить не буду. Я снова готовлю письмо насчёт пенсии, теперь в газету «Труд». Вероятно, ничего не выйдет, но я хочу, чтобы вопрос о пенсии с детства принял общественный характер. Сто пятьдесят рублей мне не хватает. Начну снова устраиваться где-нибудь».

В письме от 31 мая Ерошенко сообщает, что с 16 мая он находится в Обуховке. И далее: «...у меня разболелся желудок, он совершенно отказывается работать, я чувствую постоянную боль в левой стороне груди. Как будто сердцу тесно и оно хочет раздвинуть рёбра. Я никуда не хожу, и ходить некуда. У нас двор разгорожен, из сарая сделали мусорную свалку. Сарай развалился при первой буре...Я лежу целыми днями».

По словам сестёр, он почти до последних дней что-то писал, устроившись на чердаке, где находились его книги. В октябре он послал друзьям Алову и Шаминой свою последнюю фотографию. На ней он выглядит спокойным. Но подушка за спиной говорит о том, что сидеть ему уже трудно. Слегка нахмуренные брови и сжатые губы как будто бы выражают презрение к приближающейся смерти. Длинные и узловатые пальцы, сцепленные между собой, спокойно лежат на стопке рукописных листов с выпуклым брайлевским шрифтом. Одет он в тёплую и свободную тужурку, больше похожую на халат и застёгнутую на все пуговицы до верха.

Фотография сделана 13 октября 1952 года. В письме к Шаминой он писал: «Пока я шлю тебе окончание чукотской сказки, начало которой ты уже имеешь. Сейчас я намерен записать начисто корейскую сказку». И просит её продать японские грампластинки: «Мне они больше не понадобятся, но деньги всегда нужны...»

Д.А. Алов в своих воспоминаниях пишет: «В ноябре я получил от него последнее письмо. Будучи идеально грамотным, Василий Яковлевич наделал в этом письме много ошибок, а конец письма разобрать было совершенно невозможно».

Из беседы с родственниками известно, что он последние дни почти ничего не ел, говорил: «Зачем кормить этот рак?» Умер он 23 декабря 1952 года.

У него была трудная судьба. Лион Фейхтвангер о подобных судьбах сказал: «У каждого из нас своя доля: чем лучше человек, тем она труднее». Из забвения его имя воскресили В.Н. Рогов, японец Такасуги Ичиро (Огава Горо), украинская писательница Н. Андрианова-Гордиенко, А. Харьковский, А. Поляковский, Р. Белоусов, Э. Пашнев, Ю. Патлань, В. Першин и многие другие. Будущие статьи и книги о нём не дадут погаснуть памяти о Василии Яковлевиче Ерошенко никогда.

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 16

ЛЮТИК

Дорогие друзья! Сегодня мы сплетём очень красивый, но довольно сложный в работе цветок — лютик.

Цветок лютика состоит из пяти жёлтых лепестков, пяти зелёных петелек-тычинок и зелёной бусинки-середины. Зелёный лист у лютика большой и очень красивый. Он чем-то похож на лист клёна, но ещё более узорчатый. При плетении этого листа мы познакомимся с новой техникой соединения бисерин, я называю её «приплетение».

Нам понадобятся бисер жёлтого и зелёного цветов, несколько зелёных бусинок для серединки, проволока золотистого и зелёного цветов (можно использовать и медную проволоку), нитки мулине зелёного цвета или флористическая лента тоже зелёного цвета.

Лепесток будем плести, используя петельную технику и технику параллельного плетения с приплетением. Длина проволоки 30 сантиметров. Нанизываем на

проволоку двенадцать жёлтых бисерин и замыкаем в круглую петлю, то есть проходим правым концом проволоки через последнюю нанизанную бисерину навстречу так, чтобы концы проволоки выходили с разных сторон бисерины.

Затягиваем проволоку, при этом один её концов должен быть сантиметров на пять-шесть длиннее другого. На длинном конце проволоки делаем ещё одну точно такую же петлю и не забываем, что конец проволоки должен выйти между первой и второй нанизанными бисеринами, а войти — между первой бисериной первой петли и первой бисериной второй петли. Обе петли сплющиваем так, чтобы обозначилась верхушечная бисерина, она у нас седьмая.

Я так подробно описываю процесс, потому что до сих пор мы делали только плоские петли (у клевера, мака, различных чашелистиков). Здесь же нам нужна именно такая круглая петля.

Продолжаем работать на более длинном конце проволоки. Нанизываем на него семь бисерин жёлтого цвета и проходим через ближнюю верхушечную бисерину. Нанизываем ещё две жёлтые бисерины и проходим через вторую верхушечную бисерину, снова нанизываем семь бисерин и проходим через обе бисерины, находящиеся в основании каждой из петель.

Если мы всё сделали правильно, то концы проволоки должны выйти с разных сторон бисерин, находящихся в основании петель. На любой из концов нанизываем две жёлтые бисерины и проходим другим концом навстречу, нанизываем на любой конец проволоки ещё одну жёлтую бисерину и точно так же проходим другим концом навстречу. Лепесток готов.

Обратите внимание, что верхнюю часть лепестка мы выполнили в технике петельного плетения, а нижнюю — параллельного.

Остальные четыре лепестка постепенно приплетаем друг к другу по предпоследнему ряду, в котором у нас две бисерины. Последний ряд приплести не нужно. Не забываем, что пятый лепесток нам нужно приплести одновременно и к четвёртому, и к первому лепесткам.

Для тычинок берём проволоку длиной 25 — 30 сантиметров. Делаем пять петель, на этот раз плоских, по восемь зелёных бисерин, концы проволоки скручиваем на пару оборотов. Здесь желательно использовать более мелкий бисер, но можно взять и тот, из которого мы будем плести листья.

Бусинку для серединки нанизываем на небольшой отрезок проволоки (здесь можно использовать всякие остатки проволоки, которые есть у каждой экономной рукодельницы или рукодельника).

Теперь займёмся зелёными листьями. Каждый лист состоит из пяти листиков разной величины, приплетённых друг к другу. В отличие от лепестков цветка в листе не нужно соединять первый и пятый листики. Начнём с центрального листика.

Длина проволоки 60 — 65 сантиметров. В технике параллельного плетения выполним схему: 1, 2, 3, 4.

Теперь на любой из концов проволоки нанизываем три бисерины и им же проходим через первую и вторую, обязательно придерживая все бисерины максимально близко к четырём бисеринам сплетённого ряда. Рядом с этими четырьмя бисеринами должен получиться треу-

гольничек. Поворачиваем его так, чтобы непроплетённая бисерина оказалась вверху. Повторяем то же самое на другом конце проволоки.

Продолжаем плести в технике параллельного плетения по схеме: 8, 7, 6.

Снова делаем на обоих концах проволоки по такому же треугольничку.

Продолжаем плетение по схеме: 9, 8, 7, 6.

И снова делаем треугольнички на обоих концах проволоки.

Далее выполняем схему: 9, 8, 7, 6, 5.

Далее на левый конец проволоки нанизываем пять бисерин, а на правый — одну. Правым концом проходим через четыре бисерины, оставляя первую непроплетённой. Таким образом, у нас с обеих сторон осталось по одной непроплетённой бисерине. Снова на левый конец нанизываем уже четыре бисерины, а на правый — одну, проходим только через три. Нанизываем ещё раз на левый конец уже три бисерины, а на правый снова только одну, проходим им же через две. И, наконец, нанизываем две бисерины на левый конец и одну на правый, проходим через одну. Концы проволоки подкручиваем под последней бисериной — центральный листик готов.

Переходим к средним листикам. Длина проволоки 45 — 50 сантиметров.

В технике параллельного плетения выполняем схему: 1, 2, 3, 4.

Далее на левый конец проволоки нанизываем шесть бисерин, а на правый — одну, этим концом проходим через пять бисерин, оставляя первую бисерину не про-

плетённой. В следующем ряду у нас шесть бисерин. Делаем на обоих концах проволоки треугольнички, как в центральном листике, и продолжаем плести в технике параллельного плетения по схеме: 9, 8, 7, 6, 5.

Теперь один из концов проволоки продеваем в верхнюю (одну из четырёх) непроплетённых бисерин, на другой конец нанизываем пять бисерин, а тем концом, что мы присоединили к центральному листику, проходим только через четыре бисерины. Обратите внимание, что с одной стороны мы оставили непроплетённую бисерину, а с другой — у нас она общая с центральным листиком.

Снова продеваем конец проволоки в непроплетённую бисерину центрального листика (теперь третью снизу), на крайний конец проволоки нанизываем четыре бисерины, проплетаем теперь только три. Снова проходим концом проволоки уже через вторую снизу непроплетённую бисерину, на крайний конец нанизываем три бисерины, проплетаем две. И завершаем приплетение аналогично предыдущим рядам, набрав на крайний конец две бисерины и пройдя через одну. Не забываем продеть другой конец через самую нижнюю непроплетённую бисерину.

С другой стороны центрального листика приплетаем ещё один средний.

Обратите внимание на новый способ присоединения одной части к другой — он более ажурный за счёт непроплетённых бисерин.

И, наконец, маленькие боковые листики.

Длина проволоки 35 — 40 сантиметров.

В технике параллельного плетения выполняем схему:

1, 2, 3, 3, 4.

Делаем на обоих концах проволоки по уже знакомому нам треугольничку.

Продолжаем плести по схеме:

8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

После ряда с пятью бисеринами начинаем приплетать боковой листик к среднему, продевая конец проволоки через непроплетённые бисерины, аналогично приплетению среднего листика к центральному.

В боковых листиках мы уже не оставляем непроплетённых бисерин с другой стороны, поскольку приплетать уже ничего не нужно.

Вот такой резной, ажурный, состоящий из пяти частей, получился у нас зелёный лист.

Собрать лютики можно и в букет, и в панно. Для букета сплетём цветочков пять-семь и три зелёных листа. Цветы и листья обмотаем нитками мулине или флористической лентой. Листья расположим внизу букета, а цветы невысоко над листьями.

С панно придётся повозиться. Нам понадобятся небольшая рамка сантиметров 15x20, плотный картон по размеру рамки, немного ткани, чтобы нашить на неё наши лютики, а потом натянуть на картон и закрепить клеем с изнанки. Понадобится ещё один лист картона или оргалита, чтобы полностью закрыть изнанку. Сами же цветы и листья сперва просто выкладываются внутри рамки, чтобы прикинуть, что и куда пришивать. Места пришивания должны находиться под лепестками или листьями, чтобы их не было видно. Ещё нужно знать, что все элементы панно крепятся не очень жёстко, иначе наша работа потеряет естественность и живость. Вспоминайте, как выглядят открытки с цветами, и твори-

те. Тем же, у кого, к сожалению, совсем нет остатка зрения, могут помочь друзья или родители.

Дорогие друзья, поверьте — усилия окупятся сторицей, мы не только освоим новые техники, но и получим очень красивый букет или панно.

По-прежнему жду от вас писем, вопросов, предложений и фотографий.

Ваша Лариса Андреевна